

Мария
Вой

18+

ИРОТКИ

ОТЦЕУБИЙЦЫ

Охотники за мирами. Темное фэнтези

Мария Вой

Сиротки. Отцеубийцы

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вой М.

Сиротки. Отцеубийцы / М. Вой — «Эксмо», 2023 — (Охотники за мирами. Темное фэнтези)

ISBN 978-5-04-176792-1

Шарка выбрала свою сторону: теперь последний в мире кьенгар сражается на стороне Сироток. Их гетман Ян Хроуст не знает поражений, усталости и сомнений и готов предать огню и мечу все, что у него есть, ради своей мести. Королевство все глубже погружается в пекло братоубийственной войны. Но этого ли хотел Свортек, когда передавал Дар деревенской простолюдинке, или у него был собственный план? И готовы ли Истинный Король, Принц Сироток и первая ученица кьенгара играть по правилам своих «отцов»? Шарке предстоит разобраться, кто друг, а кто враг, и снова встать на защиту обездоленных и потерянных, как она сама. Потому что в войне не бывает победителей. Продолжение романа «Сиротки» Марии Вой. Темное фэнтези, неоднозначные герои, передел мира и мрачная картина войны, в огне которой куются настоящие герои и проявляются истинные злодеи. Читателю вместе с героями предстоит разобраться и понять, куда идет мир, окутанный злобой и ненавистью, осознать ошибки прошлого и принять то, что за самые важные вещи в жизни мы платим частичками наших душ. Стильное оформление дилогии от Марии Вой. Издание дополнено иллюстрациями внутри. Цикл по достоинству оценили писательница и литагент Уна Харт, а также блогеры Полина Парс и Помойный Енот.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-176792-1

© Вой М., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

I. Воры	9
II. Раненые	25
III. Суд	37
IV. Заговор	46
V. Падение	57
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Мария Вой
Сиротки. Отцеубийцы

© Вой М., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Продолжение истории Сироток вышло динамичным, мрачным, атмосферным. Больше поворотов, больше Свортека, больше деталей, больше правды о созданном мире и больше символов: любые войны заканчиваются, вопрос только в том – как.

Полина Парс, youtube-канал «Читалочка»

«Сиротки. Отцеубийцы» – это концентрация ненависти к войне. Беспощадной, безжалостной и бесполезной. Через судьбы столь хрупких созданий, как герои истории, автор смогла показать все те ужасы, которые несет человеческая вражда. История противостояния Сироток и армии Короля закончится здесь и навсегда. И это будет страшно.

Помойный Енот @raccoon_demigod

І. Воры

Крепость Козий Град раскинулась на небольшом плоском холме. Войско Хроуста расположилось на достаточном расстоянии, чтобы стрелы арбалетчиков с крепостных стен его не достали. Гетман восседал на коне, окруженный Сиротками во всеоружии, и хмуро подсчитывал блестящие на солнце шлемы между бойницами.

Латерфольт заверял, что крепость – легкая добыча: низкие стены, всего одни внешние ворота, никакого рва. В те годы, когда Сиротки еще не были Сиротками, Хроуст играючи брал такие за пару дней. Зато награда за этот бой была велика: через Козий Град в столицу возили порох. Чтобы Хроуст до него добрался, Шарке требовалось сделать всего ничего: разбить первые и вторые ворота. Сиротки проникнут в крепость, а там дело за малым. Больше гетман у нее ничего не попросит – он обещал.

Шарка, окруженная целой тучей воинов, изо всех сил пыталась унять дрожь. Она вспоминала свою первую битву, когда порвала насильника Пригожу на мелкие кусочки, затем бойню на площади в Тхоршице. Грифоний герцог сказал, что Шарка тогда отправила на тот свет сто человек за считанные минуты. . . Наконец был и тот день, когда она уничтожила за пару мгновений отряд головорезов, а затем хладнокровно закопала их трупы на поляне в лесу. Но все это казалось далеким, словно из другой жизни. Тавор, обожание Сироток, любовь Латерфольта – все это заставило ее забыть, какое чудовище она прячет внутри и как легко, забывшись, его выпустить.

Латерфольт – единственный, кто не носил доспеха, поскольку в бою полагался на свою ловкость и скорость, – подошел к ней и крепко прижал к себе. Шарка успела заметить, как все взгляды, в том числе Хроуста, обратились к ним.

– Не волнуйся. Я с тобой. Ты ведь помнишь план?

– Помню.

– Снесешь эти хлипкие ворота и вернешься обратно к Хроусту. Остальное сделаем мы.

– Латерф. . . а что, если я. . .

Шарка не смогла произнести вслух то, что ее беспокоило: вдруг Дар перестанет отзываться и что будет, если она не доберется до ворот? Еще она очень не хотела отпускать самого Латерфольта в авангарде с всадниками-хиннами, которые должны были отстреливаться от лучников на стенах, а затем проникнуть в крепость и продолжить бой там. Но Латерфольту достаточно было взглянуть на ее лицо, чтобы прочесть все это. Он приник лбом к ее лбу, несколько мгновений стоял молча и неподвижно, а затем произнес:

– Все будет хорошо.

Шарка кивнула. Егермейстер отстранился и подал ей шлем с крепким забралом, который девушка неловко натянула на голову.

– Ну что, парни, – раздался веселый бас Хроуста, – давненько мы не бывали в хорошей потасовке, а?

Сиротки разразились возбужденными криками.

– Представьте, что сейчас творится в головах у этих несчастных! – продолжил гетман. – Они-то думали, что мы все мертвы. Думали, что могут спокойно выдохнуть и обрасти жиром. И вот они видят нас! Просто представьте, каково сейчас их порткам!

Воины рассмеялись нарочито громко и зло. От войска смех разлился по всей равнине, добрался до стен и затих над крепостью.

Хроуст обернулся к Шарке:

– Готова, дочка?

Голова от шлема, шума и волнения была тяжелой, как пушечное ядро. Шарка испуганно и осторожно кивнула. Хроуст задержал на ней внимательный оценивающий взгляд, удовлетворенно хмыкнул и вскинул в воздух железный кулак с шипом:

– Здар, Бракадия!

– Здар, Ян Хроуст!

Латерфольт одним махом запрыгнул в седло, уже сжимая в левой руке короткий лук, и конь с бешеным ржанием понес его прямо к крепости. Шарка с замиранием сердца следила, как отдаляются зеленый плащ и черная грива. Затем остальные конные лучники присоединились к атаке, и егермейстер скрылся в поднятой ими пыли. «Латерф-Гессер!» – разлился над полем дикий вой хиннов; Шарка понятия не имела, что это означает, хотя слышала уже не раз из уст варваров в Таворе при появлении Латерфольта. Наверное, так у хиннов было заведено обращаться к своему темнику. «Не люблю поля. Леса мне милей», – пробормотал он утром, когда войско выстраивалось перед крепостью. А вдруг он чувствует что-то?

В пыли и песке Шарка видела лишь мечущиеся тени всадников. Происходящее казалось полной неразберихой: кони ржали, тетивы свистели, со стен сыпался град стрел. Шарка вцепилась в Берн – своего личного телохранителя, закованного в латы с головы до ног, с огромным щитом, который он держал перед Шаркой даже сейчас, хотя они были далеко от поля боя.

– Их же всех перестреляют! – закричала Шарка, когда один из хиннов, пронзенный стрелой, свалился на землю из седла.

– Хинны – лучшие всадники в мире, – терпеливо возразил Берн. – Попробуй прицелься в такую подвижную мишень! К тому же они еще и отменные стрелки. Скорее, сами перестреляют всех на стенах прежде, чем мы вступим в бой...

– Баллисты! – взревел Хроуст.

Десяток огромных машин со скрипом и рычанием выехали вперед – и вместе со стрелами конников в стены полетели камни. Этот залп не дал защитникам крепости перезарядить арбалеты, и Козий Град на несколько мгновений замер, точно в ужасе.

– Шарка, Берн! – снова рыкнул Хроуст.

– Приготовьтесь, за следующим залпом выступаете вы! – проорал следом Киш.

Назад дороги нет – и все же Шарка, которую усадили перед Берном, обмирала от страха, молясь лишь о том, чтобы не потерять сознание. Дрожащей рукой она опустила забрало. Стало темно и тесно: Хроуст прислушался к словам Морры и приказал изготовить такое забрало, какое не пропустило бы и самого мелкого осколка.

Шарка вцепилась в седло. Мокрые от пота ладони скользили по коже, ногами она зацепилась за голени воина, и конь понесся вперед, хрипя от натуги под тяжелой ношей, но разгоняясь все сильнее. Подпрыгивая в седле, Шарка слышала приглушенные вопли, стоны множества тетив, совсем близко – топот коней: отряд Латерфольта сгруппировался вокруг нее, без усталости посылая в противника стрелы. Сзади гремели баллисты, впереди разбивались о стены камни, Берн тяжело дышал, и Шарке ничего не оставалось, как ждать. Наконец бешеная тряска закончилась, и Берн, спрыгнув первым с лошади, подхватил Шарку и опустил ее на землю. За своим забралом она не видела ничего, кроме ворот прямо впереди. Берн поднял над ней огромный щит, несколько тяжелых всадников тоже собирались вокруг со щитами. Шарка подняла дрожащие руки, не смея даже моргнуть, заставляя себя не обращать внимания на крики боли по сторонам.

Ворота. Ворота. Это все, о чем она должна сейчас думать...

Волна огня поднялась с пяток, прошла через все тело, мощно влилась в руки и сорвалась с ее ладоней прямо в окованные железом створки. Отдача толкнула ее на спину, и Шарка неловко завалилась, поддерживаемая Берном и остальными воинами. Стало очень горячо; казалось, сама земля под ногами горела, а воздух утонул в пыли и дыму. Она откинула забрало.

Щепки, в которые превратились ворота, повисли на петлях, а за ними открылся коридор под стеной, ведущий к внутреннему двору и вторым воротам во второй стене.

– Здрав, Шарка!

Волна торжествующих воплей оказалась даже мощнее той, что только что разнесла ворота Козьего Града. Снова затопали вокруг лошади: всадники собрались в клин и бросились внутрь, в крепость, чтобы расчистить Шарке путь ко вторым воротам. Берн подхватил ее и вновь усадил в седло. Баллисты дали новый залп, отвлекая защитников крепости, – а за первыми воротами уже шла резня. Отбросив луки, воины Латерфольта выхватили длинные изогнутые сабли и сражались верхом. Сам егермейстер мелькал впереди, неуловимый и яростный, как буря. Его лицо было залито кровью...

– Давай, Берн! – закричала Шарка. – Ну же!

От ужаса не осталось и следа.

Берн ударил коня по бокам, и они понеслись вперед под градом камней и стрел. Шарка забыла опустить забрало, и теперь ей открылась битва во всем ее безумии и уродстве: копыта, втаптывающие раненых в пыль, стрелы, кровь, сабельный звон, ржание лошадей, алебарды, арбалеты, цепи, запах гари от уничтоженных ворот, вонь от крови и навоза... И вдруг – неистовая, болезненная радость, от которой Шарке захотелось расхохотаться во всю грудь.

Берн вскрикнул и вывалился из седла, увлекая ее за собой на землю. Конь не сбавил скорости – напротив, без тяжелого воина, закованного в полный доспех, он рванул вперед еще яростнее. Шарка вцепилась в поводья, успев заметить стрелу, торчащую из забрала Берна.

– Дьявол! – зарычала она, чувствуя, как в теле закипает ярость, остановила коня и выпрыгнула из седла. До ворот еще оставалось локтей сто, но Шарка уже была не в силах совладать с рвущимся из ее рук Даром. Во тьме коридора вокруг зажглись глаза верных демонов. Каким-то образом она умудрялась контролировать и их тоже, притом что все ее внимание сосредоточилось на вторых воротах. Справа мелькнул зеленый плащ...

Вторые ворота пали так же легко, как и первые, словно были сделаны из соломы. На несколько мгновений повисла тишина. Затихли залпы баллист и звон металла, даже кони остановились, и лишь хрипели и стонали раненые. Шарка огляделась и увидела Латерфольта и его всадников с опущенным оружием.

– Мы победили? – спросила она. – Где враг?

Латерфольт сердито мотнул головой, словно легкая победа вызвала у него досаду. Хинны и егери, которых Латерфольт присоединил к кавалерии – Якуб, Тальда и прочие, – собрались вокруг. Судя по знакомым лицам, Латерфольт умудрился не потерять никого из лесного братства.

– Разбежались, – неуверенно отозвался он. – Им конец. Они трусили. Крепость наша!

Пыль от разрушенных вторых ворот мало-помалу рассеивалась, и впереди проступила пустая площадь, освещенная тусклым солнцем.

– Где Хроуст? – спросила Шарка.

– Едет.

За первыми воротами на равнине бушевала буря из-под копыт всадников. Гетман ехал впереди, размахивая палицей и вопя во всю глотку. Со стен больше никто не отстреливался. Казалось, с тех пор, как пали ворота, крепость замерла и опустела.

Латерфольт схватил Шарку за руку:

– Ты сделала это, – вскричал он, – ты разнесла их в пыль! А теперь я отвезу тебя обратно.

– Я тебя не брошу. – Шарка вырвала руку. – Останусь с вами!

Латерфольт попытался снова схватить ее, но девушка отпрыгнула и побежала прямо в крепость в окружении своры псов из мрака. За спиной Латерфольта воинство Хроуста приближалось, гремя оружием, под торжествующие выкрики...

И тут просвет первых ворот с чудовищным рыком пересекли решетки.

Герса свалилась сверху – грубая, явно пристроенная наскоро и недавно. За деревянными укреплениями в пылу битвы ее никто не заметил. Теперь она глубоко вонзилась в землю под воротами, толстая, шипастая и неприступная.

Хроуст резко остановил своего коня. Задние ряды налетели друг на друга, всадники едва не падали из седел.

– Что это? – тупо спросила Шарка.

Латерфольт скривился, словно его пронзила сильная боль, – на мгновение она даже подумала, что его ранили:

– Полупустая крепость и хлипкие ворота... Они не просто так легко нас впустили... Это ловушка!

Шарка не успела ему ответить – обернувшись на шум за спиной, она увидела выстроившихся в ряд арбалетчиков за вторыми воротами. Болты лежали на тетивах, уставившись ей, Латерфольту и его всадникам прямо в лица.

То, как воины Хроуста споткнулись на полпути, когда наскоро изготовленная решетка перерезала им путь, выглядело почти комично. Те, кто сумел собраться быстрее прочих, отпрянули от ворот и завертели головами, ожидая команд от гетманов. Хроуст упрямо остановился у перекрытых ворот и закричал что-то оставшимся внутри хиннам и Шарке, а встревоженные приближенные тем временем описывали вокруг него круги с натянутыми луками, должно быть, уговаривая его отступить, пока на стены не вернулись арбалетчики.

Но те не собирались возвращаться. В действительности хинны гордо отстреливались от двадцати несчастных, которых поставили у бойниц лишь затем, чтобы Хроуст не заподозрил неладное. «Жаль. Растерянное войско было бы сейчас легкой добычей для стрел», – думал Рейнар, не без трепета следя за стариком на огромном коне. Даже на таком расстоянии невозможно было не узнать это суровое одноглазое лицо и прямой стан, который не согнули ни горести, ни годы. Не оставалось никакого сомнения, что это он.

«Ничего, старик. Даже Свортек оказался смертным, а уж ты...»

Рейнар обернулся к внутреннему двору между воротами. Маленькая ведьма в сияющем доспехе держала перед собой черный щит из мглы, в котором застревали стрелы. Шарке пока что удавалось сдерживать натиск, защищая не только себя, но и группу всадников-хиннов под предводительством... Да, все верно: этого вертлявого ублюдка Рейнар узнал бы из тысячи узкоглазых. Латерфольт, как и Хроуст, восстал из мертвых.

– Но ненадолго, – пробормотал Рейнар себе под нос и прыгнул с крыши башни на площадку, к Такешу. Грифон, взволнованный запахом огня и крови и давно не кормленный дурманом, царапал когтями камни. Рейнар распорядился, чтобы вместе с войском ему выслали грифонов доспех – тот самый, в котором он помог Свортеку разнести флот Аллурии. Теперь закованный в металл зверь был похож на крылатую железную машину. Ради этого пришлось пожертвовать вторым седлом, но Рейнар и не собирался никого с собой брать. Все его козыри уже были внизу, у ворот.

Мархедор, опустивший герсу, выбрался из своего укрытия над воротами и вопросительно посмотрел на Рейнара. Тот махнул ему в ответ. На площади перед внутренними воротами возникла за спинами арбалетчиков Дьорда – ей он тоже махнул, после чего взобрался в седло и с силой ударил Такеша по ребрам.

Оглушительный клекот грифона сотряс Козий Град, перекрыв все прочие звуки. Когда Такеш спрыгнул с башни и расправил крылья, в лицо Рейнару ударил горячий ветер. Внизу Хроуст поднял лицо к небу, взгляд его единственного глаза зацепился за грифоньего всадника, и в войске родилось еще большее смятение. «Кажется, они действительно не ожидали, что крепость может быть так хорошо подготовлена к их идиотской вылазке, – подумал Рейнар. – Старый дурак! Ты даже не представляешь себе, *насколько* хорошо – пусть даже все в королевстве были уверены, что ты сгинул навсегда».

Демоны держались крепко, но время от времени даже их щит давал слабину. Мгла то опадала, то восставала вновь, когда Шарка посылала свирепых чудищ вперед на арбалетчиков. Держать одновременно защиту и атаковать было сложно: едва она сосредоточилась на натиске, как в то же мгновение пробившая тонкую завесу стрела просвистела прямо у ее уха.

Латерфольт выжидал, заняв оборонительную позицию. Он не отступал от Шарки ни на шаг, в то время как его воины безуспешно пытались пробиться сквозь непрекращающийся град стрел. Защитники крепости посылали залпы без передышки. Сиротки падали на землю один за другим.

– Латерф, я пойду вперед! – крикнула Шарка. – Только так я смогу до них добраться!

– Нет! Их там еще больше, это самоубийство!

– Но что еще мы можем?

Латерфольт пригнулся, уворачиваясь от арбалетного болта, и за его спиной раздался хрип. Якуб с торчащей из глаза стрелой, предназначавшейся егермейстеру, упал на землю, в агонии царапая лицо.

– Нет! – заорал Латерфольт и натянул лук с такой ненавистью, что тот едва не лопнул. – Вы ответите мне за это, сукины дети!

– Пойдем вперед! – снова закричала Шарка. – Только так мы сможем их отбросить...

Где же оно – то беспамятство, в котором она без страха и усталости разрывала в клочья целые отряды, шла под стрелы, словно те были летней мошкаррой? Где ярость, от которой еще несколько минут назад хотелось рассмеяться во всю глотку? Сейчас она не чувствовала ничего, кроме ужаса при виде мертвого Якуба с обезображенным лицом и множества других убитых, лежащих под ее ногами в лужах мочи и крови. Никакого гнева, только боль и ужас, которые никак им не помогут...

Шарка растопырила в воздухе пальцы и решительно зашагала вперед, проталкивая Свору в коридор к разрушенным воротам. Демоны сбились в одно черное пятно, пестрящее алчными белыми глазами. Град стрел не прекратился, но она чувствовала кожей смятение, которое охватило арбалетчиков при виде надвигающегося монстра.

Она взглянула на Латерфольта: тот и последние пять десятков всадников послушно двинулись следом, продолжая посылать стрелы обратно в арбалетчиков. Пробить этот ряд, прорваться к выходу из проклятого туннеля! До солдат крепости оставалось всего ничего: она уже отчетливо видела, как трясутся в их руках арбалеты...

Резкий рывок – и Шарка позволила демонам сорваться с невидимой цепи. Последние стрелы просвистели над головой, но солдатам Козьего Града было уже не до арбалетов: бесчисленные уродские пасти добрались до их шей. Чувствуя, как черные зубы утопают в крови, Шарка позволила себе выдохнуть и на мгновение опустить дрожащие от напряжения руки.

Латерфольт остался с ней, пока остальные Сиротки бросились в атаку следом за демонами и высыпали на залитую солнцем площадь, размахивая саблями. Лошади заржали, послышались тяжелый грохот и крики боли – и поддерживаемая Латерфольтом Шарка выбежала за ними прямо по горе изуродованных тел.

На сей раз на площади их поджидали полчища копейщиков. Ряды острых пик целились в лошадей, отгоняя их обратно к воротам, а за копейщиками уже сгруппировались новые отряды арбалетчиков.

– Назад! – Латерфольт с силой потянул ее обратно к воротам.

– Они же все погибнут!

– Главное – это ты! Ты вообще не должна здесь быть!

Он снова рванул ее на себя, шипя от ярости, и она сдалась. Всадники сомкнули ряды за их спинами, прикрывая собственными телами от стрел. Среди них она увидела Фубара, которого Латерфольт тоже взял в свой отряд, подкупленный его боевыми навыками и умением держаться в седле. На лице мечника застыла странная счастливая улыбка, будто не было в его жизни дня лучше, чем этот...

Шарка обернулась: в пустом коридоре, разделявшем внешние и внутренние ворота, появился одинокий темный силуэт. Прежде чем она сумела рассмотреть в полумраке мертво-бледное лицо, по которому змеились ломаные полосы сосудов, сердце сжал ужас. Шарка ни за что не смогла бы объяснить, почему из всего пережитого именно этот невысокий человек в резном доспехе вызвал у нее такой приступ тошноты и страха, от которого едва не подкосились ноги. Глаза незнакомца впивались в нее, матовые, словно у утопленника, бесконечно усталые и равнодушные ко всему: и к этим трупам, устилавшим пол, будто ковер, и к ужасу девчонки, и к ярости оберегавшего ее хинна...

Кьенгар поднял руку – и с земли взметнулся Дар.

Как зачарованная, Шарка смотрела на пыльно-серые струйки дыма, собирающиеся в неуклюжую толстую змею. Дар выглядел так, словно ее собственных демонов высушили на солнце, раскрошили в мелкий прах и пустили по ветру. Такого ей никогда видеть не доводилось, но отчего-то уродливая сила казалась знакомой.

Латерфольт снова потащил Шарку к воротам, выставив перед собой щит, оброненный кем-то из павших. Отчаяние исказило его испачканное в крови лицо: все пути отступления были отрезаны, и его всадники топтались на площади в ожидании верной смерти. Серый кьенгар неумолимо приближался вместе со своей змеей, и Шарка послала Свору в атаку. Псы разорвали змею в клочья, пока она слепо извивалась, словно не зная, что делать. Следом за ней появилась еще одна, и снова комья тьмы развеяли ее.

– Не так уж он силен! – крикнула Шарка Латерфольту и послала другую стаю демонов прямо на ряды копейщиков и арбалетчиков, собравшихся у другого конца площади.

Солдат крепости накрыла паника: те из них, кому удалось выйти живыми из коридора, при виде выползших из-под копыт теней побросали арбалеты и умчались в глубь Козьего Града. Оставшихся настигли клыки и когти, а всадники с торжествующим кличем бросились следом за теньями, воспользовавшись растерянностью врага.

Пока Шарка, раскинув руки, одновременно сдерживала змей кьенгара и атаквала солдат, а Латерфольт укрывал ее щитом от стрел и все пытался найти какую-то лазейку наружу, колдун приближался, и с каждым шагом его змеи становились сильнее. Должно быть, у него, как и у Шарки, магия на расстоянии не имела полной мощи – вот почему он так аккуратно приближался, прячась за пыльными вихрями.

На стене тем временем показались лучники: это поднимались расправившиеся с копейщиками и арбалетчиками всадники-хинны и егери. Никогда еще Шарке не доводилось видеть таких воинов, как они и Латерфольт: быстрые, неистовые, не знающие страха и усталости; каждый из них, наверное, стоил десятка людей короля... Тальда, эта прекрасная воительница, которую Шарка по глупости невзлюбила с самого начала, дралась не хуже любого мужчины. Длинный узкий меч летал в ее руках, легкий как перышко. Добравшись до края стены, Тальда закричала:

– Здесь все чисто, мы их смели! Идите сюда, по стене мы сможем...

Небо потемнело, и Тальду поглотила огромная туча, камнем упавшая вниз и разметавшая егерей и хиннов когтистыми лапами. Уже не пыльный демон, а крылатый зверь в доспехе, живой, из плоти и крови, разобравшись с противником, издал победный вопль, запрокинув к небу зубастый клюв. А затем этот же клюв подхватил Тальду за одежду и швырнул вниз, под ноги Шарке и Латерфольту.

– Латерф! – взвизгнула Шарка, не опуская рук: со стороны крепости снова начали появляться солдаты, а змеи серого кьенгара становились все крепче – их отделяли уже какие-то сорок локтей. – Помоги ей!

Тальда – переломанная, но еще живая – истошно кричала, пытаясь высвободить неестественно выгнувшиеся руки из-под туловища. Латерфольт замер, словно впервые с начала штурма им овладел ужас.

– Латерф!

– Я не могу, я должен защищать тебя!

– Но ведь она уми...

Змеи взвились прямо перед Шаркой, и ей стоило огромных трудов отогнать их, бросив всех демонов вперед. Свора, как туча насекомых, облепила змею, и та рассыпалась, вернулась обратно к своему хозяину и заключила его в серый кокон, пока еще не пробиваемый для демонов.

– Давай! – Шарка пихнула Латерфольта. Тот, стряхнув оцепенение, бросился к несчастной Тальде.

Раздались грохот металла и злобное утробное рычание: грифон слетел со стены, а с его седла сошел всадник. Он осунулся, зарос и обзавелся бородой, но сомнения не было: герцог Рейнар, самый верный слуга короля, наконец вступил на поле боя. Его мрачный взгляд застыл на Шарке, оценивая, насколько она готова схватиться и с ним тоже.

Шарка злобно оскалилась. Из-за спины Рейнара поднялся еще один пыльный вихрь. Никакой формы у него не было, но он двигался увереннее и точнее, чем змеи первого кьенгара. Густой и плотный, словно принадлежавший более искусной руке, он принял форму огромной длани, которая прикрывала от демонов нового кьенгара. Тот осторожно наступал, как и первый. Невысокий, как сама Шарка, даже хрупкий, пусть и в том же шипастом черном доспехе.

– Сдавайтесь! – раздался голос герцога. – Вы проиграли!

– Ты, убудочная мразь! – взревел Латерфольт, не дойдя пары шагов до умирающей, хрипло стонущей Тальды.

Егермейстер резко присел на колено, выпрямился и выбросил в сторону Рейнара руку. Все движение заняло у него меньше секунды, и в воздухе блеснул на солнце метательный нож. Герцог резво отскочил в сторону, но грифон позади него оказался менее проворным: клинок рассек длинные маховые перья на конце крыла. Зверь оглушительно взвыл и припал на передние лапы, готовясь к прыжку.

– Нет, Такеш! – Герцог схватил грифона за поводья и с силой потянул на себя его голову. – Дьорда, Мархедор! Схватить ее!

Пыльная рука на мгновение рассыпалась в воздухе, и Шарка успела рассмотреть Дьорду – вторую обладательницу жуткого серого Дара. Это была совсем еще молодая девушка, немногим старше ее самой, но такая же обезображенная и мертвая, как Мархедор, с испещренным черными узорами лицом. Дьорда подобрала к груди руки, словно сгребая в охапку невидимый шар, и выбросила их вперед.

Шарка успела послать навстречу вихрю нескольких демонов – все происходило так быстро, что на большую Свору ей не хватило сил. Два Дара, серый и черный, схлестнулись у самого носа Латерфольта, и его отбросило в сторону ударной волной. Шарка тоже покачнулась и едва не упала, но ей удалось одолеть Дар Дьорды. Ошметки серой мглы разбросало по площади, и Дьорда с шипением отпрянула обратно к Рейнару и грифону.

Мархедор тем временем навис над оглушенным егермейстером, как коршун. Шарка, все еще ошеломленная, послала демонов к нему, и снова пыль и мрак схлестнулись, как два рваных сгустка. Но впереди наступала Дьорда с серой рукой, и с каждым шагом оба становились сильнее. Шарка чувствовала усталость демонов собственным телом. Враги все подступали, окутанные своим колдовством, уродливым и каким-то необъяснимо знакомым, хотя ничего подобного она не видела ни сама, ни в памяти Свортека. Но думать было некогда: одной рукой она отбивалась от Мархедора, другой от Дьорды. На краях площади снова начали появляться солдаты, от которых отстреливались последние хинны и егери. Один лишь герцог терпеливо выжидал, удерживая рвущегося в драку грифона, чтобы теперь уже наверняка схватить Шарку и отвезти к королю. Без всяких переговоров.

Злость снова поднялась в Шарке, но теперь не питала ее силой, а загоняла в отчаяние. Шарка вдруг осознала, что стонет и плачет от напряжения: ее внимание так быстро металось от одного врага к другому, что она уже давно словно бы отделилась от своего тела с его болью. Она все пыталась подобраться к Латерфольту, от которого из последних сил отгоняла Мархедора...

«Этого ты хотел, Свортек?»

Левую щеку Шарки пронзила боль, словно кто-то наотмашь ударил ее по лицу рукой, одетой в шершавую рукавицу. Дьорде удалось пробить демонов Шарки, и серая рука отвесила ей пощечину, оставив на коже сетку царапин. Она обернулась и столкнулась взглядом с мертвым лицом, за которым уже не осталось человека.

Рейнар потянулся к седлу на грифоне и вытащил моток веревки. На земле, под ногами у Дьорды, Шарка увидела то, что все это время скрывала пыль. Останки Тальды, над которой схлестнулись демоны, разметало по площади. Тяжелый сапог Дьорды втоптывал в грязь золотые волосы...

В ужасе Шарка обернулась к Латерфольту, и в тот же миг на ее запястьях сомкнулись серые щупальца. Мархедор вытянул перед собой руку, держа Шарку своим Даром, точно марионетку на ниточках.

Со стены упал кто-то из хиннов.

Герцог разматывал веревку.

Отощавшие, слабые демоны растворились в воздухе, а сама Шарка, казалось, бессильно повисла на серых ремнях в руках Мархедора и Дьорды... А затем в мгновение ока распрямилась, запрокинула к небу голову и оглушительно, страшно закричала.

Вот она и пришла наконец – ярость Свортека.

От крика в ушах звенело – или это звон от взрыва, который последовал за криком? Или вопли искалеченных? В глазах стояла муть от пыли Даров и собственной боли. Рейнар неуклюже поднялся на слабых ногах, которые все норовили подкоситься, и протер глаза.

Крепость застыла в зловещей тишине. В центре площади стояла маленькая ведьма. Ее глаза светились, как и в тот день: две белые точки в дымке разрушения. Она единственная удержалась на ногах и теперь уставилась в небо, равнодушная ко всему вокруг. Даже самого Рейнара она не удостоила и взглядом, а вокруг клубилась густая иссиня-черная тьма – уже не демоны, а рваное кольцо, готовое в любой момент вырасти в защитный кокон.

«Все же успела войти в это свое ведьминское что бы то ни было, курва!»

Рейнар осторожно приблизился к Шарке. В рассеявшейся пыли он увидел черную кучу хлама и не сразу сообразил, что смотрит на труп Мархедора, сплющенный и разломанный, словно порванная псами тряпка. Недалеко лежала ничком Дьорда. Рейнар проковылял к ней и перевернул на спину. Половина лица девушки превратилась в кровавое месиво, левую руку раздавило, и все же она была жива и тяжело хрипела. Черные сосуды на белой коже пульсировали точно щупальца морского гада.

Видимо, его самого спасло лишь то, что он не стал приближаться к ведьме, хотя и был совсем недалеко. Рейнар с сомнением взглянул на Шарку, оценивая глубину ее забытья, затем подобрал с земли камушек и бросил в ту сторону. Вытянувшаяся из кокона голова демона раскрошила его еще до того, как камушек успел коснуться земли.

Со стороны крепости неуверенно надвигались ряды подкрепления с пиками и арбалетами. Рейнар нетерпеливо махнул им, чтобы подходили ближе. Но, видимо, то, что они увидели минутой ранее, не вселяло в солдат энтузиазма. На стенах тем временем металась фигуры, а со стороны ворот доносился шум битвы. Должно быть, Хроуст уже раздобыл лестницы и послал Сироток в крепость.

Сердце забилось в груди Рейнара так, что стало тяжело дышать, когда он сопоставил свои потери и прикинул силы Шарки. Пусть девчонка не сразу впала в знаменитое бешенство Свортека, все же за эти два месяца она стала куда сильнее, чем в день их первой встречи. Рейнар осторожно поднял на руки Дьорду. Вязкая темная кровь заливала его, пока он тащил колдунью к грифону. Слава богам, Такеш как дитя Изнанки был не восприимчив к Дару, и удар Шарки

его, как и почему-то Рейнара, тоже не задел. Но когда Рейнар уже был совсем рядом, раздался свист, и в нагрудную пластину грифона вонзилась стрела. Такеш возмущенно завыл и загарцевал на задних лапах, разгоняя воздух крыльями. Рейнар обернулся и увидел Латерфольта с луком в руках.

– Стой, мразь! – хрипло выкрикнул пошатывающийся хинн. – Сегодня ты мне за все ответишь!

– Пошел к дьяволу! – ответил Рейнар и, собрав последние силы, в один прыжок оказался перед грифоном. Он успел заметить, что колчан у Латерфольта пуст, и это выиграло ему несколько драгоценных секунд, пока он усаживал Дьорду в седло и закреплял ей ремнями ноги и уцелевшую руку. Стрела пробила доспех грифона, но густая грива уберегла зверя от верной смерти. Рейнар ударил Такеша по крупу:

– Лети, олух!

Но грифон не тронулся с места и лишь гневно рычал на Латерфольта, который, едва стоя на ногах – очевидно, его сильно контузило, – пытался найти целую стрелу. Рейнар снова ударил Такеша, на сей раз сильнее, а затем схватил его голову и заставил посмотреть на себя.

– Приказываю: оставь меня и улетай!

Зверь медлил, не в силах понять, почему хозяин гонит его прочь, а Рейнар все острее ощущал отчаяние. Маленькая ведьма понемногу приходила в себя: с приближением солдат ее черный кокон нервно дрожал, готовясь выпустить демонов в очередную атаку. Наконец грифон издал хриплый рев и, хлестнув Рейнара на прощание хвостом, прыгнул на стену, а оттуда тяжело взмыл в небо. Запрокинув голову, герцог наблюдал, как отдаляется, превращаясь в темное пятно, его последний шанс на спасение.

Атаку Латерфольта он почувствовал спиной и, развернувшись, выхватил из ножен меч в тот самый момент, когда сабля опускалась, чтобы снести ему голову. Зазвенела сталь. Кривой клинок проехал по прямому и соскочил, увлекая Латерфольта за собой. Рейнар занес меч и сделал выпад, целясь Латерфольту в живот, но без должной силы: чертовы предплечья пронзила тянущая боль, и Латерфольт, даже оглушенный и раненый, легко выбил меч из его рук.

Рейнар, не растерявшись, ударил Латерфольта ладонью в кадык. Хинн отпрянул, хрипя, потерял равновесие и рухнул на колени. Рейнар поймал его взгляд. Латерфольт был и сам обескуражен своей неловкостью и понимал: знаменитая горячность привела его к закономерному концу. Рейнар выхватил из-за пояса кинжал. Другая его рука пригвоздила противника к земле, встретив слабое сопротивление. Герцог склонился к спутанной черной гриве и прошептал Латерфольту на ухо – совсем как в тот раз:

– Я же сказал: убирайся навсегда!

Латерфольт из последних сил дернулся, рыча сквозь сцепленные зубы, и Рейнар нанес удар. Спина егермейстера выгнулась дугой; сын Хроуста, легендарный Принц Сироток, долбанный неуловимый лис – вот он, твой бесславный конец! Рейнар медленно вынул кинжал из его бока, и Латерфольт сжался, одной рукой пытаясь зажать рану, другую вытянув перед собой и пялясь на кровь, словно не веря своим глазам. «Это что, твое первое ранение?» – хотел было съязвить Рейнар, но издевка застряла в его горле. Неподдельный детский ужас в глазах Латерфольта, а с ним осколки воспоминаний, отзвуки клятв, старая, гнилая боль и стыд заставили Рейнара содрогнуться и застыть перед врагом.

Демоны тем временем покинули свой кокон и один за другим бросились на копейщиков, которые мужественно держали строй, пока их товарищи падали под натиском тьмы. Шарка по-прежнему стояла как истукан над телом превращенного в мусор Мархедора, но Рейнара не покидало ощущение, что еще мгновение – и она проснется. Он вцепился в гриву Латерфольта и потянул вверх, чтобы тот встал.

– Еще ничего не кончено, – прорывал Рейнар себе под нос. – Ты идешь за мной!

С этими словами он потащил егермейстера за собой в глубь крепости.

Шарка вернулась в сознание, когда кокон рассыпался на множество теней и те бросились на солдат крепости. Плоть просыпалась медленно: застоявшаяся без движения кровь разливалась по сосудам, отчего в ногах и ладонях защеколало, и Шарка не сдержала глупого хихиканья.

Все еще смеясь, она наконец открыла глаза и увидела себя в полном одиночестве в центре площади, усеянной трупами. Кровь на камнях, останки врагов и союзников, запах гари и человеческих останков, шум со стороны крепости и ворот – все казалось далеким после забвения, в которое ее забросила ярость.

Демоны расправлялись с отрядом копейщиков, и Шарке даже не нужно было сопровождать их взглядом и отдавать команды, как раньше. Она прошла по площади, заглянула в коридор, увидела войско Хроуста за опущенной герсой. Война вдруг показалась ей чужой и ненастоящей. Шарка покрутилась на месте, беззаботная на поле брани, как девчонка на лугу, собирающая цветы. «Очнись, – уговаривала она себя, – ты здесь не просто так!»

Вопли ужаса и боли наконец докатились до ее ушей – раньше она не обращала на них внимания, но теперь слух проснулся, как и остальные чувства. Шарка опустила на колени. Тяжесть своего доспеха она тоже ощутила, будто впервые, и принялась стаскивать его с себя, благо в битве ремни ослабли. Шлем она уже давно потеряла. Сияющий подарок Сироток упал на землю рядом с лужей крови, и дышать стало легче. Она расправила усталые плечи, как вдруг услышала:

– Шарка! Он схватил Вилема!

Фубар возник из ниоткуда и принялся трясти ее за плечо. В последний раз, когда она видела его, Фубар на своем коне въехал в самую гущу врагов и там исчез. Наверное, удача улыбнулась ему в очередной раз.

– Кто? – с трудом выдавила из себя Шарка.

– Рейнар! – Имя показалось знакомым, но не вызвало никаких чувств. – Я видел, Шарка! На этом самом месте!

Фубар указал дрожащим пальцем себе под ноги:

– Он пронзил его кинжалом и потащил за собой... Шарка, ты слышишь меня? Он схватил Латерфольта!

Шарка вздрогнула, словно ее укололи иглой. С этим вторым именем в груди разлился холод. Фубар указывал на лужу крови, от которой неровный след тянулся в глубь крепости.

– Латерфольт, – повторила Шарка и вдруг обмякла. Фубар успел подхватить ее, и она повисла на его руках, крича: – Вилем! Он жив? Фубар, где он? Нет...

Фубар встряхнул ее.

– Я видел, куда пошел Рейнар, – твердо и громко сказал он, удерживая ее на ногах. – За ними, скорее!

Шарка покорно кивнула и позволила тащить себя, собирая по пути Свору. От тупого равнодушия не осталось ни следа: теперь каждый шаг, который она делала за Фубаром, отзывался болью и ужасом. «Это сделала я», – думала она, глядя на разорванные тела копейщиков, и снова ей стоило огромных усилий удерживать себя в сознании. Вилем ранен и, может быть, уже мертв...

Мир мелькал перед глазами отдельными картинками: спина Фубара, какие-то узкие улицы, по которым он вел ее, отдаваясь от стены и ворот, дома с заколоченными окнами,

пустынные пространства, жемчужные глаза ее верных комков тьмы. Однажды ей удалось обернуться и увидеть, как вдали со стен спускаются Сиротки. Но соображала она плохо, в мыслях все сжалось до простого набора образов: боль, мертвецы, Вилем...

Шарка остановилась как вкопанная. Фубар испарился, исчез, она потеряла его из виду. Зато на площади перед зданием ратуши, украшенной статуями гордых грифонов и королей прошлого, перед ней стоял отряд стрелков с ружьями. Каждое дуло было направлено Шарке в грудь.

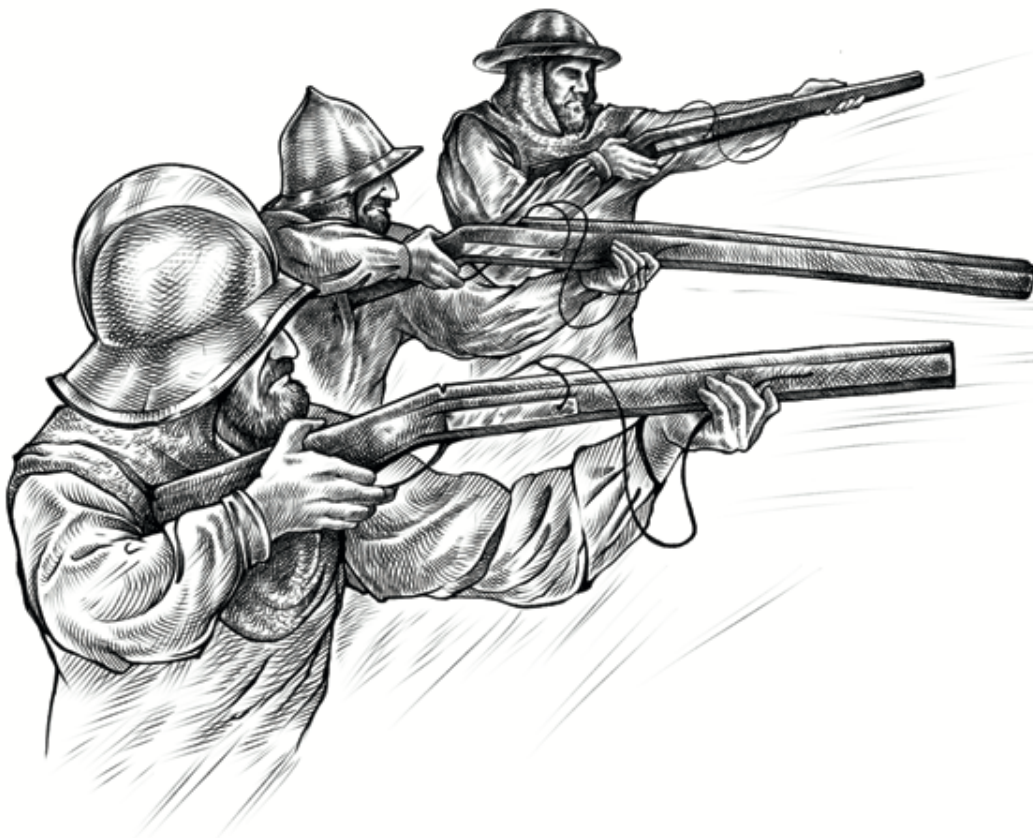
Демоны, вся ее трепещущая мрачная рать с оскаленными пастями, собрались вокруг Хранительницы. Пусть стрелки были довольно далеко, ей бы хватило лишь нескольких быстрых шагов. Мстительная радость заставила Шарку улыбнуться, и увидевшие это стрелки содрогнулись.

«Да хоть еще тысячу пошлите! Десять тысяч! Дюжину кьенгаров! Разорвать, стереть в пыль, уничтожить...» Она слышала внутри себя Голос, невнятный, далекий, но не умолкающий ни на секунду. Однако тут стрелки расступились, пропуская вперед человека. Герцог Рейнар вышел вперед, левой рукой прижимая к себе Латерфольта, а правой держа у его горла кинжал.

Ведьма, которая уже собиралась было броситься на них, сияя знаменитым оскалом Свортека, застыла как вкопанная. Рейнар встряхнул Латерфольта, чтобы Шарке было видно, как хинн закашлялся и слабо попытался вырваться из хватки.

Шарка дернулась вперед.

– Нам надо подпустить ее ближе, – сказал Рейнар солдатам. – Иначе пули не достанут.

– Но тогда нам тоже конец, – ответил капитан стрелков, и по ряду его людей прокатился гул согласия.

Сиротки, прорвавшие жалкую оборону Козьего Града на стенах, уже хлынули в крепость, попадаясь во все расставленные Рейнаром ловушки, но все же часть их сумела добраться вслед за Шаркой до площади. Теперь с ними боролись защитники ратуши, но герцог ясно видел: у солдат мало шансов против фанатиков Хроуста. Все пошло коту под хвост! Одноглазый гетман, как в старые времена, умел делать из своих выблядков настоящие машины убийства, а королевским солдатам недоставало ни духа, ни причин драться до последней капли крови. «И все же, – думал Рейнар, глядя, как воодушевленная появлением Хроуста Шарка делает мелкие шаги ему навстречу в окружении демонов, – не все потеряно».

Он покрепче перехватил истекающего кровью Латерфольта и тоже двинулся вперед. Стрелки на мгновение замешкались, но все же сделали шаг навстречу псам тьмы и их хозяйке. Еще несколько локтей...

Глаза девчонки впелись в него – совсем не такие, как у Мархедора и Дьорды, живые даже сквозь пелену ненависти.

«Не думай, Рейнар. Не сейчас...»

Один из демонов резко подался вперед. Рейнар надавил на кинжал так, что пленник захрипел, и выкрикнул:

– Если ты спустишь демонов, он сдохнет!

Демон втянулся в свору. Лицо девчонки превратилось в маску злобы.

«Как ты до этого докатился? Ты стал таким же ублюдком, как Златопыт, нет, хуже – как Ураган, державший в заложниках тощего мальчишку!»

Рейнар снова двинулся вперед вместе со своим отрядом. На сей раз ведьма не протестовала. Еще совсем немного, и...

Он не сразу понял, что заставило его заорать так громко, что стрелки растерянно опустили ружья. Левую руку снова пронзила неистовая боль, почти как в тот самый день. Ублюдок Латерфольт укусил его, вложив в это последние силы, и едва не добрался до вен. Рейнар невольно отбросил хинна от себя. Тот упал на землю и пополз на четвереньках. Стрелки нацелились на него.

– Нет! Не его! Убейте ее! – взревел Рейнар.

Тьма взметнулась перед Шаркой, как щит, пока воздух наполнялся громом от выстрелов и густым дымом. За неплотной завесой мрака, дымом и слезами Рейнар видел, как мечется нечеткий силуэт девчонки. Она успела отвернуться, но затем вздрогнула – один раз, второй, третий. Тьма задрожала и побледнела: большинство пуль так и не достигли цели, но, судя по судорогам ведьмы, несколько раз ее все же задело.

Пока стрелки перезаряжали ружья, Рейнар, вытягивая шею, пытался рассмотреть хоть что-то за завесой белого дыма. Шарка стояла к нему спиной, согнувшись и тяжело дыша. Затем медленно и как-то величественно повернулась, вытянув к нему правую руку. Ее веснушчатое лицо было покрыто кровью, но глаза горели, яркие, как глаза ее проклятых псов.

– Нет, – прошептал Рейнар, но было поздно.

Демоны взметнулись прямо из пустоты вокруг своей хозяйки, и черная волна со множеством горящих белых глаз полетела на стрелков.

Время замедлилось, но Свора, как грозовая туча, надвигалась так неумолимо, что Рейнар даже не попытался отступить. Сзади один за другим зазвенели вопли предсмертного ужаса; кто-то тщетно пытался стрелять в волну мрака. Рейнар ощутил кожей, как за его спиной самые быстрые из демонов уже вцепились в глотки стрелков, как крошечные капли чужой крови оседают на волосах...

И не было ничего, кроме этого замедленного кошмара, этой тьмы, медленно пожиравшей его. То, как он представлял себе умирание, оказалось чепухой. Жизнь со всеми ее горестями, потрясениями и редкими мгновениями счастья не пролетела перед его глазами. Никаких лиц любимых людей, никаких Эфолы, Тернорта, даже Морры; никакого света... Ничего, кроме тьмы...

Рейнар закрыл глаза и позволил себе опуститься на колени. Затылок приятно обдувал ветер. Мгновение перед тем, как бездонная пасть поглотила его, растянулось на вечность.

II. Раненые

Сиротки собрались вокруг Шарки, у ног которой неподвижно лежал бледный Латерфольт. Она все уговаривала себя коснуться его и осмотреть, но тело не подчинялось, словно не было уверено, что сможет совладать с правдой.

Поэтому, словно оцепенев, Шарка просто пялилась на Рейнара. Герцог – то, что от него осталось, – все так же неподвижно сидел на коленях с опущенной головой в окружении трупов солдат. Его собственное тело никак не желало заваливаться наземь. Никто не решался приблизиться к нему и воронке. Разорванные, перекрученные, словно пропущенные через мясорубку останки – такая смерть казалась чудовищной даже для грифонов Редриха. И это единственное уцелевшее тело – что будет с ним? Разорвет ли его в клочья или развеет по ветру горстью праха? Что она с ним сделала?

– Латерф! – прогремел словно издали рык Хроуста. Краем глаза Шарка увидела, как гетман опускается к телу егермейстера и подхватывает безвольную голову под затылок.

– Принц пал! – раздались горестные стоны, и Сиротки – мутные причитающие пятна – столпились вокруг Хроуста и Латерфольта.

– Не пал, черт вас дери! – надрывался Хроуст. – Чего встали? Лекаря! Живо!

– Мой гетман, – прошептала Шарка. Дрожащий палец указывал на Рейнара. Сиротки и даже Хроуст умолкли.

Голова Рейнара дернулась и медленно поднялась, открывая лицо без единой царапины. Взгляд мутных, но живых глаз пошарил по толпе и с недоумением остановился на Шарке.

Шарка и Морра стояли перед разрушенной стеной одного из домов, которые поглотило море. Хроуст разрешил Шарке уничтожить ее: толку от стены все равно не было. За баронессой и Хранительницей по-прежнему наблюдал Тарра, а вдали, на набережной, толпились дети и зеваки.

Шарка сосредоточилась, выставив руки перед лицом ладонями вперед, – и раскаленная волна с неистовой яростью ударилась о стену, раскрошив ее на мелкие кусочки. С набережной донеслись радостные вопли. Шарка обернулась и помахала зрителям, которых это привело в неописуемый восторг. Через паранет перемахнул человек и решительно направился к ним. Узнав Фубара, Шарка заулыбалась. Давно уже пора, черт побери, где его носило?

Тарра перегородил ему путь:

– Ну что, тебе все нейдет?

Но Фубар упрямо рвался к Шарке и Морре, хоть егерь и удерживал его:

– Мне нужно поговорить с Хранительницей! Я хочу сопроводить ее на битву!

– Это не тебе решать! Да что не так с тобой, господи!

– Шарка, скажи ему! – взмолился Фубар. – Скажи егермейстеру! Я докажу свою верность Сироткам и тебе!

– Для тебя я – егермейстер! И я говорю, чтобы ты заткнулся!

Морра схватила Шарку за рукав, заставляя отвернуться от Тарры и Фубара, между которыми, как и было запланировано, началась перепалка, и вынудила посмотреть на себя.

– Не делай этого, не ездь с ними, – быстро заговорила она, пока внимание Тарры было приковано к Фубару. – Хроуст втягивает тебя в войну, как Редрих втянул Свортека!

– Свортек сам этого хотел.

– Я говорю тебе, Шарка, – продолжала баронесса сквозь ругань мужчин. – Просто услышь меня...

– Нет. – Голос Шарки был тверд, как никогда раньше. – Пожалуйста, перестань. Я видела...

– Что ты видела? Очередной дурацкий сон?

Шарка упрямо смотрела на нее. Тарра пихнул Фубара в плечо, отгоняя прочь, и Морра не выдержала:

– Что ты можешь знать – ты, деревенщина, илюха? Ты даже читать и писать не умеешь, откуда тебе знать, чего хотел Свортек?!

Злость отразилась на лице Шарки: наверное, давненько никто не напоминал ей о прошлом, которое подмяли под себя парады Хроуста и обожание таворцев. Вокруг зажглись в воздухе тусклые жемчужные глаза.

– Что, убьешь меня? – ехидно спросила Морра.

– Ты лежала в траве и плакала, глядя на мертвого птенца, – сказала вдруг Шарка. – Свортек сказал: «Оно и к лучшему, что твой ребенок умер». Это мне тоже приснилось?

– Как... Что... – Морра ошарашенно шлепала губами, не в силах собраться.

– Свортек сам отдал ему Нить. Латерф пообещал остановить войну, и обещание сдержал.

– Ложь! – Морра сорвалась на визг. – Свортек вернулся с головой Латерфольта, и на нем не было ни царапины!

– Я все это видела.

Шарка взвизгнула и отпрянула: Морра швырнула ей в лицо пригорошню песка. Баронесса не успела отдернуть собственную руку, не успела ни о чем подумать. Слова, которые она готовила, умерли, встретившись с невозмутимостью Шарки. Сзади раздался топот множества ног и ругань Тарры:

– Ах ты сука! Как ты смеешь!

– Ты ничего не знаешь! – заорала Морра так, что в ушах зазвенело. Шарка продрала забитые песком глаза. Тарра скрутил баронессу, заведя руки ей за спину, но она все еще боролась, пока вокруг собирались встревоженные таворцы. – Я делаю это для тебя, идиотка! Шарка!

Ее увели под улюлюканье толпы...

Морра встряхнула головой, прогоняя воспоминание, назойливо преследовавшее ее с самого начала битвы. Какой теперь толк ковыряться в прошлом? «Признай, Морра: ты не смогла. У тебя был последний шанс в тот день перед битвой, и он выскользнул у тебя из рук, как твоя свобода, как расположение Шарки, как много что еще...»

План Рейнара полетел к чертям, хотя поначалу все шло гладко. Герса перекрыла Хроусту путь в крепость, и войско растерянно столпилось под стеной. Немало времени им потребовалось, чтобы понять: герсу не сдвинуть с места, а Шарка слишком занята битвой, чтобы помочь Сироткам проникнуть внутрь.

Но затем раздался взрыв.

Тыл, в котором находилась Морра под надзором Кирша, дрогнул. В войске, собравшемся у разбитых ворот, тоже прокатилось волнение. На несколько мгновений замерло все, притихли даже беспокойные лошади. Звук отличался от того, с каким Дар Воздуха и Огня разрушал стены, ворота и другие преграды. В нем застыл оглушительный крик, зловещая нота которого разлилась над крепостью и медленно ушла в землю.

А затем в небо взмыло пятно – то был бронированный Такеш с всадником, который раскачивался в седле, удерживаясь лишь на ремнях. Изо всех сил напрягая зрение, Морра наконец рассмотрела: не Рейнар. Кто-то другой, закованный в черные латы, не такие, как у Шарки, без сознания или мертвый... В тот миг она осознала: план Рейнара провалился.

Не сказать, чтобы она знала его досконально. Фубар передал ей только самую суть в записочках, которые подкладывал в книги на уроках с Шаркой. Морра, забывая Шарке голову ерундой и удерживая ее от овладения полной мощью Дара, тоже передавала Фубару послания, которые далее попадали к Рейнару. Но Шарка, со своей тупой влюбленностью в Латерфольта, умудрилась раскрыть Дар сама, и Рейнару пришлось готовиться в спешке. Вглядываясь в крепость, словно стены могли стать невидимыми и открыть происходящее, Морра все лучше понимала: он не справился.

Все они не справились.

Впрочем, как обычно.

Хорошо хоть ее взяли на штурм. Хроуст рассудил, что будет полезно иметь Морру рядом на случай, если Шарка не совладеет с Даром. Шарке об этом не сказали: после того случая на пляже их больше не оставляли наедине, чтобы не нервировать бедняжку. Почему же они не зовут ее? Может, нет никаких причин для тревоги?

К стенам уже приставили лестницы, и Сиротки начали проникать в крепость, не встречая сопротивления. Неужели Козий Град пал?

– Кирш! – Морра схватила его за руку. Болтливый Кирш уже несколько минут молча ерзал в седле: верный знак, что что-то пошло не так и для Сироток. – Там что-то происходит, отвези меня туда!

– Поприказывый мне тут, – отмахнулся он без особой твердости.

– Я не приказываю. Я лишь говорю, что Шарке, возможно, нужна помощь! Ты же видишь, что штурм пошел не по плану!

Кирш скривился, но в тот же миг со стороны крепости раздался протяжный, похожий на стон звук рога. Тыл встрепенулся. Последовали еще два коротких сигнала, и Морра нетерпеливо толкнула Кирша в плечо:

– Вези меня! Хроуст зовет!

На сей раз советник Хроуста не стал упрямиться: имя гетмана отогнало сомнения. Морру усадили в седло за ним, и Кирш погнал коня через поле к Козьему Граду. Пыль забивала нос и рот. Над крепостью уже нависла плотная черно-синяя туча, готовая пролиться дождем и смыть ужас боя. То и дело взгляд Морры против воли задерживался на трупах людей и лошадей. Хотя штурм первых ворот прошел именно так, как планировали Сиротки, все же немало всадников из конницы Латерфольта нашли здесь свой конец.

Поделом! У них было пять лет мира, и могло бы быть еще больше. Но они сами захотели этой войны и тем призвали свою смерть... Так Морра распаляла себя, чтобы задавить ужас злостью, но впервые за много лет старая уловка дала слабину.

Перед Киршем солдаты почтительно рассыпались в стороны. Морра взбиралась по лестнице как можно быстрее, ожидая запоздалой стрелы под ребра. Вдруг Сиротки уже выяснили, кто снабжал новостями Рейнара? Или королевские солдаты поджидают ее в засаде, потому что поверили, будто она все это время помогала Сироткам? А что, если Шарка погрузится в безумие, потеряет контроль и прикажет Своре разорвать ее на кусочки? Морра заторопилась так, что перестала попадать руками и ногами по перекладинам. Пути назад все равно не было: прямо за ней лез Кирш, а внизу у стены толпились полчища Сироток.

Наконец она перемахнула через крепостную стену и поняла, что все предыдущее было цветочками по сравнению с тем, что творилось внутри.

– Эти ублюдки устроили засаду! – комментировал Кирш. – Они опустили герсу... Хотя это даже не герса, у Козьего Града ее никогда в жизни не было! Опустили решетку, чтобы не дать нам въехать. А сами...

«А сами принялись расстреливать то, что осталось от отряда Латерфольта», – поняла Морра, спускаясь со стены во двор между первыми и вторыми воротами. Множество егерей и хиннов, утыканных стрелами, лежали здесь в одной безобразной куче. Среди мертвых Морра заметила Якуба, который на пути в Тавор менял ей повязки на ранах, а в Таворе был ее тюремщиком... Дальше, за коридором, что вел внутрь крепости, смерть поменяла почерк на более знакомый. Разорванные тела защитников, которых не спасли ни кольчуги, ни шлемы, провожали Морру пустыми взглядами. Сильный приступ тошноты сжал горло. Предгрозовая духота, вонь крови и застывший в теле ужас заставили Морру согнуться пополам и как можно скорее броситься прочь из коридора, на свет, на простор, подальше от этой тьмы...

Но и на плацу она не нашла облегчения. Пусть Сиротки уже растаскивали тела по краям площадки, все равно тут и там растеклись лужи крови, а куски растерзанных тел зияли, словно раны самой земли. У одного из них собралась целая толпа. Люди выглядели встревоженными и не решались подойти ближе. У Морры перехватило дыхание от страшной догадки, и она бросилась туда на слабых ногах, пока Кирш пытался сообразить, где находятся Хроуст и Шарка.

– Тебе сюда нельзя, – неуверенно возмутились Сиротки, пытаясь отогнать Морру, но баронесса проворно проскользнула к телу и застыла перед ним, не дыша.

Значит, она была права... Фубар не решился назвать в записках имена тех, кто получил Трофей Свортека. Но она-то знала, кому в Гильдии Редрих доверял больше всего и кого мог выбрать для чудовищного ритуала, который сам Свортек столько раз высмеивал.

Морра рухнула на колени перед останками, смятыми в груди черного металла.

«Мархедор, Мархедор... Ты к нему неровно дышишь, что ли?»

Нет, она не была в него влюблена. Но Мархедор проделал огромный путь, чтобы приблизиться к ее сердцу и занять там хотя бы место друга. Сдержанный, прозорливый, уважаемый за свой ум даже Свортеком (немыслимо!), теперь он никогда больше не обсудит с ней свои безумные теории и не расскажет очередную историю, почерпнутую из старинных книг, которые он любил сильнее всех в Гильдии, а то и в целом королевстве. Лицо его было изуродовано, но не разрушительной силой Дара. Серое, покрытое черными сосудами, с глазами, вылезшими из орбит, – так выглядело лицо ее единственного друга, с которым она не успела и словечком перекинуться перед этой чертовой миссией...

Рыдания застряли в груди. Морра лишь чувствовала, как дергаются, словно не принадлежа ей, плечи, тревожа свежий шрам от стрелы.

– Баронесса! – прогремел нетерпеливо Кирш. Должно быть, он уже долго не мог ее дозваться. – Идем, нас ждет Хроуст!

«Да идите вы все в пекло со своим Хроустом!» – упрямо повторяла она про себя как молитву, но вслух не вымолвила ни слова. Кирш взял ее под локоть, поставил на ноги и отвел от тела. Она успела поймать его брезгливый взгляд при виде останков магистра:

– Вот что делает ваш великий король с собственными людьми ради своего вонючего трона. Превращает в живых мертвецов!

– Значит, у него есть еще кьенгары? Хранительница Шарка – не последняя? – прозвучал откуда-то из толпы Сироток логичный вопрос – и все взгляды метнулись к Морре.

Но та уже не могла ничего ответить: ее губы и плечи вздрагивали все сильнее и чаще. Мархедор, Мархедор...

Кирш рассерженно цыкнул:

– Это мы еще узнаем. Пойдем, Морра, скорее!

Он буквально тащил ее за собой через крепость, пока сама Морра пыталась отогнать тошноту и страшное лицо мертвого друга, стоявшее перед глазами. С каждым шагом Сироток

вокруг становилось все больше. Кириш вывел ее на площадь у нарядно украшенного здания со статуями и колоннами – должно быть, здесь был городской совет. На несколько мгновений он застыл, глядя в сторону воронки в центре площади, откуда Сиротки убирали очередных жертв Шарки.

Шарка... Сознание понемногу возвращалось к Морре. Она позже оплатит Мархедора так, как полагается. Если Рейнар пал, то ей самой и, возможно, несчастному Фубару грозит смертельная опасность. Скорее всего, Кириш ведет ее не на помощь Шарке (как она может помочь Хранительнице Дара, которая разнесла целую крепость?), а на казнь.

У входа в ратушу она повисла на руке Кириша:

– Постой! Я все объясню!

– Морра! – Грубый рывок поставил ее обратно на ноги. Кириш схватил ее за шкуру, как разбаловавшегося хорька, и потянул к дверям. – Приди в себя, мать твою...

– Морра!

Голос Хроуста невозможно было спутать ни с чьим другим. Он ударил, как гром, а следом и настоящий гром расколол свинцовое небо, и Морра оказалась перед гетманом.

Безоружный, но грозный, явно боровшийся с гневом Хроуст увлек Морру за собой в глубь темного зала, заполненного самыми близкими его полководцами. Кириш бросился к предводителю с расспросами, но Хроуст заткнул его, и Кириш понесся к другим: Петличу, Бабешу и тем, чьих имен она не знала. Если бы ее хотели казнить, вряд ли отпустили бы так просто... Тем не менее Хроуст пристально следил за ней и поторапливал. «Соберись! – велела она себе. – Если они ни о чем не догадываются, то самое глупое, что ты можешь сделать, – это поддаться страху и выдать себя с потрохами».

Она прошла за Хроустом в дальний конец зала, где под витражами, раскрашивающими последние лучи солнца в цветные пятна, лежали два тела. Каждый шаг отдавался в груди сильным, болезненным ударом. Неужели... Шарка...

Но первым она увидела Латерфольта, голого по пояс и залитого кровью по самый подбородок. Несчастный ублюдок не шевелился, но был еще жив, судя по тому, как над его боком хлопотали лекари, пытаясь зашить кровоточащую колотую рану. Впервые Морра увидела его не несущимся, не хохочущим, не орущим во всю глотку, а неподвижным и серьезным. Что бы она ни испытывала к брехливому хинну, мерзкий коготок жалости впился в сердце.

– Он выживет? – спросила она у Хроуста.

– Выживет! – громко ответил тот, чтобы все слышали. – Это же Латерф, он всегда выживает! Но ты должна помочь ему.

– Как?

От внезапной догадки перехватило дыхание: «Неужели он как-то прознал о Бликсе и думает, что я, ее внучка, могу нечто подобное?»

Хроуст указал на второе одеяло. Там лежала Шарка. Доспеха, в котором она шла в бой, теперь не было, и на платье атели тут и там мелкие пятна крови, расползаясь по серой ткани. Морра кинулась перед Шаркой на колени, грубо оттолкнув лекаря.

– Верни ее! – басил Хроуст у нее над ухом. – Она потеряла сознание после боя и не приходила в себя. Вряд ли из-за ран. Он отдал приказ стрелять слишком далеко, и мощности ружей не хватило, чтобы ее убить.

– Кто – «он»? – спросила Морра, хотя уже знала ответ.

– Твоя бывшая игрушка.

Что-то заставило ее обернуться: наверное, она хотела увидеть, с каким лицом Хроуст это произнес. Но вместо этого ее взгляд упал на конвой, который вел к выходу высокого пленника. Тот обернулся, словно что-то почувствовав. Он всегда чувствовал, даже когда между ними все закончилось. Всегда знал, когда обернуться.

Рейнар, невредимый, хоть и в камзоле, пропитанном кровью, не казался ни рассерженным, ни отчаявшимся, даром что руки за спиной были стянуты цепями, а на шею ему накинули ошейник, чтобы вести, как бешеное животное. Серый, усталый, с гримасой мрачного недоумения... Какой-то особо смелый конвоир ударил его по затылку, заставив отвернуться от Морры. Поводок натянулся, вынуждая ускорить шаг, и Рейнара вывели из здания ратуши.

– Его казнят?

– Верни Шарку. Это все, о чем ты сейчас должна думать!

Морра тупо уставилась на лекаря, который все пытался привести Шарку в чувство: подносил к носу пучки трав, брызгал водой из ковша, шлепал ладонями по щекам. Но лицо девушки оставалось расслабленным, словно она глубоко и сладко спала. От ярости Свортека в нем ничего не осталось, а может, ее не было видно, пока глаза закрыты. Маленькая шляха из захолустья, изнасилованная, опозоренная, никому не нужная – а теперь самая вожаделенная добыча для самого кровожадного монстра Бракадии, для самого жестокого короля и для нее самой, Морры, которой еще недавно никто, кроме Свортека, не был интересен...

Она низко склонилась над Шаркой, словно хотела рассмотреть каждую ее веснушку. Лекарь отполз, повинувшись приказу Хроуста. Гетман и Сиротки столпились вокруг в напряженном молчании. Снаружи уже бушевала буря.

– Шарка, – нежно позвала Морра, стараясь держать в голове то чувство, какое возникло, когда она впервые увидела девчонку во дворике лесного приюта. Тогда Шарка была пьяна и пыталась водкой заглушить воспоминания о том, как разбудила в себе великую тьму. Теперь Морра взывала к той жалости, которую испытала при виде ее растерянных глаз, к отвращению к самой себе, когда на поле перед замком она притворялась заложницей, а Шарка разрывалась между ней и братом...

– Шарка, – крупная слеза неожиданно сорвалась с ресниц и упала на губы девушки. – Прощу, проснись. Это я, Тлапка!

При звуке этого имени кто-то из Сироток раздраженно фыркнул. Но Морра пропустила шепотки мимо ушей: пусть думают что хотят.

– Шарка! – Девушка по-прежнему не отзывалась, и Морра решила на глупость, о которой думала все это время, но сдерживалась, как не сдерживалась ни перед чем в своей жизни: – Свортек!

В шуме ливня и негромко рокочущего грома утонул удивленный вздох Сироток. Морра не видела Хроуста, но почувствовала, как он приблизился. Рыжие ресницы Шарки дрогнули. Морра склонилась к самому ее уху:

– Я знаю, что ты еще там. Ты нужен мне! Без тебя я ничего, ничего не могу сделать и ничего не понимаю...

Тень Хроуста назойливо маячила рядом, ловя каждое слово.

– Проснись, Свортек, скажи свое слово! Умоляю! Ты же не мог бросить меня. Я знаю, ты еще там...

– Морра.

Дыхание Шарки обдало жаром ее щеку. Морра отстранилась, едва не столкнувшись с головой Хроуста. Шарка смотрела на нее мутно и сонно, без всякой мысли. Но голос, которым она произнесла ее имя – это протяжное «о» и рокочущие «р», низкий, утробный звук на одном выдохе, – не принадлежал Шарке. Так говорил только *он*... Слов у Морры больше не осталось, ничего не осталось, кроме растерянности, – и она позволила Хроусту, Киришу и лекарям влезть между ней, девчонкой и кьенгаром, заточенным в ее теле.

С тупым онемением баронесса наблюдала, как Шарка приходит в себя и морщится от боли. Лекари держали ее руки, чтобы она не тревожила раны, но Шарка поборола их, закатала рукав, на котором расплылось алое пятно, и продемонстрировала Сироткам кружок новой, свежей кожи: рану, из которой совсем недавно вытащили пулю.

О том, как легко на Шарке заживают раны, Морра старалась все это время не думать. У Свортека тоже был Дар Исцеления, слабый, работающий только на нем самом. Вряд ли он имел хоть какое-нибудь отношение к Бликсе – та исцеляла других людей. Свортек не исцелял никого – только калечил.

– Латерф!

Шарка отталкивала от себя всех, даже Хроуста: ее вниманием завладел умирающий Латерфольт.

– Он мертв?! – то ли кричала, то ли спрашивала она, срываясь на визг.

– Нет! – вмешался Хроуст, присаживаясь рядом с Латерфольтом с другой стороны. – Он сильный. Он выкарабкается!

Его слова не убедили Шарку, которая, до потешного выпучив глаза, пялилась на рану в боку, под ребрами. Ее наскоро, грубо зашили, но кровь продолжала сочиться из-под швов. Белый, теперь уже явственно похожий на бракадийца Латерфольт не подавал признаков жизни.

– Латерф, – шептала Шарка на ухо егермейстеру тихо и нежно, совсем как несколько мгновений назад Морра шептала ей. На саму Морру она не бросила и взгляда, и почему-то это больно кольнуло. – Вилем...

Хорошо, что Свортек не умел исцелять. Теперь Латерфольт сдохнет, как должен был еще пять лет назад, когда обманул все королевство! Одной проблемой меньше... Об этом думала Морра, чувствуя, как дурацкий коготь впивается в сердце все глубже, и потому уговаривала себя все яростнее: «Поделом тебе, пиздоглазый! Сдохни! Хорошо, что Дар ушел, пусть и с Бликсой, но – хорошо. И у Шарки его нет. И ты сдохнешь...»

Рука Шарки легла прямо на рану, пока другой она гладила щеку и спутанные волосы хинна. Телячьи нежности! Чертов лисеныш допрыгался! Молодец, Рейнар, хоть что-то ты сумел... Не стесняясь никого, Шарка принялась покрывать поцелуями закрытые глаза и синюющие губы Латерфольта. Боги, что сказал бы Свортек, увидев это? Если он все еще там, внутри Шарки, как же он, должно быть, воеет от отвращения!

Неожиданно Кириш вскрикнул, указывая на Латерфольта пальцем. Морра проследила за ним взглядом. Все ее мысли развеялись, в голове затих гадкий злорадный голосок. Под рукой Шарки на ране засветился тусклый, но с каждой секундой крепнувший синеватый огонь. Свечение лизало кожу Латерфольта, но не обжигало ее. Острые лучи рождались в ладони Шарки, которую она все сильнее вжимала в рану, и исчезали в ней.

Сиротки разволновались. Кириш как заведенный ходил вокруг, остальные возбужденно перешептывались. На лице Хроуста застыла слабая улыбка, пока он не отрываясь наблюдал за пламенем под рукой Шарки.

В лицо хинна бросилась кровь. Шарка, не прекращавшая ласкать и целовать его, наверное, даже не видела, что все это время происходило с ее рукой.

– Вилем! Не уходи, не уходи!

По телу егермейстера прошла судорога, и раскосые глаза распахнулись. Латерфольт сделал глубокий вдох, выдохнул, снова вздохнул – на сей раз судорожно и нервно, словно вспоминал, как дышать, – и прохрипел:

– Вот же... мразь...

Морра всхлипнула – один раз, второй, пока всхлипы не слились в протяжный вой. Голос Хроуста, визги Шарки, гром – ничто не могло сравниться с этим диким воплем. Она забилась на полу, впиваясь ногтями в плечи, в волосы, пока крик выходил из ее тела, не желая заканчиваться. Она не видела лиц, не знала, бросился ли к ней кто-то, чтобы заткнуть, и просто выла, пока вой не перешел в слабый плач.

Он не мог этого сделать!

Он не мог так с ней поступить!

Свортек...

– Успокойте ее! Дайте ей травяной настой! – прокричал Хроуст, когда Морра перестала выть. Лекарь подошел к девушке с флягой, Кириш схватил за локти. Хроуст сердито потер переносицу: кажется, его собственное терпение было на исходе. – Что с ней стряслось?

– Да просто она баба, – проворчал Кириш. – Бабам не место на поле боя! Ее всю дорогу подмывало удариться в слезы.

Латерфольт не без труда принял сидячее положение. Его дыхание по-прежнему было судорожным, взгляд блуждал, не в силах на чем-либо остановиться. Он не обращал внимания ни на Шарку, которая бережно поддерживала его спину, боясь, что он снова лишится сознания, ни на Хроуста; казалось, хинн все еще переживает отбушевавшую битву.

Хроуст обернулся к Шарке, встревоженно хмурясь:

– Он придет в себя?

– Я... я не знаю... – Шарка и сама задавала себе этот вопрос с тех пор, как до нее дошло: она открыла новую грань Дара, о которой не имела ни малейшего представления. Что, если это совсем не исцеление? – Я даже не знаю, как это вышло...

– Я в порядке, Ян, – сказал вдруг Латерфольт, ни на кого не глядя. – Просто... Не трогайте меня.

Он откинулся на спину. Шарка бросила вопросительный взгляд на Хроуста, но тот уже снова повернулся к Морре. Киришу удалось скрутить ее и влить в рот несколько глотков успокаивающего настоя. Теперь обессиленная Морра лишь всхлипывала и икала.

– Кажется, сегодня день Даров и кьенгаров, о которых мы ни сном ни духом не ведали! – Он обратился к Морре, но та по-прежнему смотрела сквозь него: – Почему ты не рассказала, что у Редриха есть еще кьенгары? Если, как ты говоришь, тебе плевать на короля...

– Их не было, – ответила баронесса. – Мархедор раньше не был кьенгаром.

Гетман скривился: объяснение его не убедило.

– А герцог Митровиц?

– Что герцог Митровиц?

– На него не подействовал Дар Шарки. Только поэтому он выжил. Значит, он кьенгар. Об этом ты тоже не знала?

Даже сквозь дурман настоя Морра выпучилась на Хроуста в недоумении.

– Ты же была его любовницей, это знает все королевство. Что, никогда не замечала, что он тоже кьенгар? И твой второй любовник тебе об этом не говорил?

– Он не... – Морра выглядела растерянной: даже она вряд ли сумела бы сыграть такое искреннее изумление.

Хроуст сощурился, но, наверное, решил, что раз Морра не готова расколоться, давить на нее нет смысла.

– Хорошо, к черту герцога! Тогда почему ты утаила, что у Свортека был Дар Исцеления? Ты хоть представляешь, какую ценность он имеет?

– Представляю ли я? – Морра визгливо захихикала. Шарка отвела взгляд, будто смотрела на что-то постыдное. Ей еще не приходилось видеть баронессу такой безумной.

– Я доверял тебе, Морра, хотя ты самый близкий Редриху человек из всех, кого я знаю, – продолжал Хроуст тоном беззлобным, даже не строгим, но полным разочарования. – Я подпустил тебя к Хранительнице. Я дал тебе шанс стать свободной гражданкой Тавора...

– Клянусь всем, что у меня есть, мой гетман, я не знала!

– Как же, ты не знала! – подал голос Латерфольт, снова усаживаясь. Взгляд его обрел твердость и уже не блуждал. Таким гневным, с оскалом на лице, перепачканным засохшей кровью, Шарка его еще не видела. – Не знала, что твой подкаблучник приперся сюда на своем чертовом грифоне в компании дружков из Гильдии! Не знала, что Свортек, твой хозяин, обладает самым ценным из Даров! Среди нас есть предатель, и будь я проклят, если это не ты!

Он встал, стиснув зубы от боли, и заковылял прочь из зала. Кириш кинулся было к нему, но стоило ему приблизиться, как Латерфольт хрипло закричал:

– Не трогать меня!

– Только не наделай глупостей, Латерф, – негромко сказал Хроуст ему в спину. Латерфольт даже не обернулся. Полуголый и окровавленный, он вышел из здания под проливной дождь.

Шарка растерянно сидела на одеяле, не зная, что делать. В голове от усталости все гудело, металось множество отрывистых видений, и, кажется, снова были какие-то воспоминания Свортека, но сил думать не было. Хроуст распорядился увести Морру; без ее плача в зале повисло зловещее молчание, нарушаемое лишь стуком дождя по крыше. Хроуст протянул Шарке руку:

– Шарка, дочка...

Она неуклюже поднялась, оказавшись на одном уровне с его глазом.

– Я еще никогда не встречал героя, подобного тебе.

Так же как в тот день, когда Хроуст и его войско вернулись в Тавор, он встал перед ней на колени и склонил голову. Сиротки последовали его примеру, вскинув в воздух согнутые пальцы, и негромко, но стройно проскандировали:

– Здрав, Шарка!

От их голосов по телу Шарки пробежала дрожь. Все казалось далеким, словно происходило с кем-то другим. Хроуст поднялся.

– От лица всех нас, что не вышли бы живыми без твоего подвига, благодарю и преклоняюсь пред тобой. Ты – сердце свободной Бракадии! А теперь, умоляю, помоги моим Детям!

– Что?

Шарка не сразу поняла, что он намекает на Дар. Она еще не успела привыкнуть к мысли, что обладает не только разрушительной силой. Опустив голову, чтобы спрятаться от взгляда Хроуста, она уставилась на свои ладони, покрытые бурой пылью, – руки, которые сегодня отняли столько жизней, но могли спасти не меньше.

Наконец она кивнула, и Хроуст взял ее под локоть:

– Я буду с тобой и помогу, сколько потребуется.

Они исцеляли раненых до самой ночи. Хроуст, как и обещал, всюду следовал за ней, приносил воду и еду и отвлекался лишь на сообщения и вопросы военачальников, которые перемещали военный лагерь в Козий Град. Оставшиеся в живых защитники крепости и местное население сдались без боя. Хотя штурм прошел не так, как планировали Сиротки, добиться своего им все же удалось: теперь Бракадия знала, что Ян Хроуст и его войско восстали из мертвых. В своей первой битве они сокрушили не кого-нибудь, а самого герцога Митровиц и вора, похитившего Дар! А чтобы все знали, что они – не кучка отщепенцев, последний настоящий кьенгар встал под их знамя.

Впрочем, до самого кьенгара – Шарки – это не доходило. От усталости у нее кружилась голова, от запаха крови мутило, от стонов раненых и умирающих звенело в ушах. Она ходила от тела к телу, прикладывая к ранам светящиеся ладони, и все лица перед ней сливались в единое лицо непокорной Бракадии: с выбитыми зубами и глазами, с переломанными скулами и носами, с волосами, вываливавшимися в пыли и грязи. Та часть Шарки, что отвечала

за чувства, словно умерла, оставив ее в онемении. Еще семьдесят, еще пятьдесят, еще... Казалось, раненых не становится меньше, а к новому Дару еще предстояло привыкнуть. Великих чудес он не творил: отрубленные конечности не выращивал, кости сращивал неумело и даже раны шивал долго и ненадежно.

Наконец Хроуст решил, что на сегодня достаточно, и привел ее в дом кастеляна, откуда самого управляющего замком уже перевели в темницу. Шарке отдали лучшие покои, в которых ее ждали горячая ванна, новая одежда и нагретая постель.

– Благодарю тебя, дочка, – Хроуст не уставал это повторять. Хотя гетман всех называл «сынками» и «дочками», выросшую без отца Шарку это странно волновало. Хроуст все не уходил, пристально всматриваясь в ее лицо, и наконец произнес: – Я знаю, что ты устала, но должен спросить. Ты действительно не хотела оставить герцога Рейнара в живых?

– Нет. – Она ждала этого вопроса весь день, читала его в лицах Сироток, чувствовала, что гнев егермейстера связан именно с ним, и поэтому ответила как можно тверже: – Я хотела разорвать его на части! Он ведь чуть не убил Вилема, и столько наших из-за него погибло...

– Конечно, – нетерпеливо ответил гетман, – но, может, вмешался Свортек?

Ее бесило, как часто Свортека упоминают, словно они одно целое.

– Не знаю, что во мне осталось от него. Но я хотела убить герцога, мой гетман! Я бросила на него все силы, но...

– Хорошо, хорошо, – Хроуст позволил себе по-отечески мягкую улыбку, но Шарку она не убедила.

– Мой гетман, клянусь, я старалась изо всех сил!

– У меня и в мыслях не было тебя винить. Скажу тебе по секрету, – Хроуст заговорщицки подмигнул, – все вышло даже лучше, чем я предполагал. Хорошо, что ты не убила его. Я даже не ожидал такого очередного подарка от богов...

Сил на то, чтобы раздумывать о его странных словах, у Шарки не осталось, и она лишь молча склонила голову. Хроуст пожелал ей спокойной ночи и захромал прочь. Но Шарка, дождавшись, пока его шаги стихнут, выскользнула из комнаты и отправилась во двор, где еще по пути заприметила одинокую фигуру.

Латерфольт все еще был там: лежал прямо в сырой после дождя траве, уставившись в небо. Он смыл с себя кровь, но даже не поменял одежды и набросил плащ прямо на голое тело. Страшный оскал, с которым он покинул здание ратуши, сменился на лице печалью – еще одним выражением, которое Шарке было незнакомо.

Впрочем, нет. С тем же выражением маленький Вилем качал на коленях мертвого отца, умоляя его проснуться... Когда Шарка подошла достаточно близко, Латерфольт лениво поднялся, словно заметил ее давно, но надеялся, что она решит его не трогать.

– Ты спасла меня сегодня. Благодарю тебя.

Латерфольт, как прежде Хроуст, встал на одно колено и склонил перед ней голову. Испуганная его тусклым голосом и холодной благодарностью, Шарка тоже присела, чтобы оказаться с ним на одном уровне:

– Вилем...

– Не называй меня так.

Она осеклась, поднялась и отвела взгляд. Резкость его тона ранила ее, кажется, сильнее, чем ружья утром. В глазах зашипало, и Шарка развернулась, чтобы уйти, но Латерфольт схватил ее за локоть и заставил посмотреть себе в лицо – осунувшееся, обрамленное сбившимися в колтуны волосами.

– Прости меня! Я просто... я... – бормотал он, жуя губы и не находя слов, за которыми обычно в карман не лез. – Потерпел полный провал! Я слишком привык к миру. Поставил тебя под угрозу. Потерял своих людей... Ничтожество...

– Вилем...

– Не называй меня так!

Крик повис над пустынным двором; дежурившие на стенах Сиротки обернулись к ним. Шарка отпрянула, а Латерфольт закрыл лицо ладонями и, шатаясь, отошел.

– Прости, я не могу сейчас, – услышала она его невнятное бормотание. – Я ничего не могу...

Он не пришел ночью, не появился утром, и в течение следующего дня никто его не видел. Хроуст, который снова отправился с Шаркой помогать раненым, заверил ее, что Латерфольту нужно время, но в его голосе прозвучало сильное недовольство.

– Он потерял многих своих людей, – робко возразила Шарка, когда они подходили к зданию ратуши, которое теперь служило госпиталем.

– Так случалось и раньше. Сейчас он нужен мне и тебе живым. – Хроуст помолчал, пока раненые приветствовали его и Шарку боевыми кличками. – Если Латерфольту нужно время, я готов его дать. Но только потому, что он это он!

Ночь не принесла Шарке облегчения. Она быстро провалилась в сон, но там ее преследовали призраки битвы. Кроме солдат, захлебывающихся предсмертными воплями, была там и Тальда, чьи останки Дар и Трофей разметали по плацу. Затем Шарка снова смотрела, как наступают на нее кьенгары-воры, изуродованные Даром чудовища, о которых она раньше ни сном ни духом не ведала, хотя Морра их упоминала... А что до самой Морры, то ее плач, словно она тоже потеряла в бою кого-то из близких, до сих пор звенел в ушах Шарки. Кириш рассказал, что при виде убитого Мархедора обычно хладнокровная баронесса начала вести себя странно. То, как Шарка обнаружила новый Дар и исцелила им Латерфольта, добило Морру окончательно. Но почему?

Множество вопросов терзали усталый разум Шарки, пока она лечила все новые раны, пропуская мимо ушей приветствия и восхваления солдат. Тут очень кстати пришелся Хроуст: он как настоящий отец без устали утешал, разделял скорбь и гнев и уверял, что грифонам воздастся. «Это только начало, – говорил он, – они еще пожалеют!»

– Шарка! – позвали ее знакомым голосом, пока она держала руки над пулевым ранением на ноге солдата. Подняв голову, Шарка увидела яркие синие глаза.

– Фубар! – она улыбнулась впервые за два дня. – Я думала, ты погиб! Исчез ни с того ни с сего!

– Они меня подстрелили, сволочи.

А еще выбили несколько зубов, рассекли бровь и ударом содрали с щеки кожу до самого мяса... И все же ему повезло больше, чем многим другим.

– Прости, что не смог тебе помочь.

– Ты – тот самый Фубар, которого баронесса привезла из Тхоршицы? – перебил Хроуст, рассматривая мечника.

– Да, – Фубар стыдливо спрятал глаза, как всегда, когда кто-то из таворцев напоминал о его истории. – Но я готов и дальше доказывать свою верность Сироткам, мой гетман!

– Ты легко отделался. Пусть боги будут милосердны к тебе и далее.

Фубар отдал честь сердцем.

– Скажите, – спросил он, запинаясь от волнения и не поднимая головы, – этот человек, который едва не убил Латерфольта... Грифоний всадник... Он мертв?

Шарка вопросительно посмотрела на Хроуста. Тот подергал себя за ус, раздумывая. Солдаты вокруг и свита Хроуста тоже направили уши.

– Нет, не мертв, – ответил наконец гетман. – Он ожидает суда, который определит его судьбу. Впрочем, у нее не очень много вариантов.

Под рукой Шарки Фубар нервно дернулся, шипя от боли, пока Дар сшивал его плоть.

– Надеюсь, вы... выберете ему... достойное наказание! – процедил он сквозь выбитые зубы, и Сиротки одобрительно закивали.

III. Суд

Суд состоялся спустя пять дней после штурма. За это время Козий Град превратился в полноценный военный лагерь, где разместилась армия Сироток. Весть о том, что великий Ян Хроуст и его воины-освободители за каких-то пару часов взяли твердыню, которую оборонял сам герцог Митровиц, распространялась все дальше, и к крепости стекались крестьяне, бродяги, разбойники – невеликое воинство, но полное надежды, которая не угасла даже за те пять лет, что Хроуст считался мертвым. Сиротки рассылали письма по городам и деревням, отправляли по всей Бракадии гонцов с известием о чуде: королевство будет свободно! Пришло время отомстить за Тартина Хойю и всех, кто встал на его защиту. Страна сбросит с себя стервятника Редриха, и никто не остановит восставшего из мертвых Хроуста – потому что Свортек, цепной дракон короля, сгинул, а его сила наконец принадлежит человеку из народа. Новая Хранительница Дара на собственной шкуре ощутила жестокость короны и потому без страха и сомнения готова идти в бой за всех несчастных и обездоленных.

Шарка думала, что привыкла к обожанию и почитанию за время жизни в Таворе. Но теперь, когда она еще и исцелила всех пострадавших в бойне, любовь народа превратилась в удушающее преклонение. Перед ней расшибали лбы и рыдали в экстазе; к ней носили детей на благословение и приводили сирых и убогих, чтобы она избавила их от немощи. Хроуст, впрочем, быстро догадался, что ни к чему хорошему это не приведет, заметив, что под конец дня Шарка валится с ног от усталости. Гетман заверил людей, что время исцеления для каждого еще придет, а пока нужно сосредоточиться на том, чтобы сорвать гнилую корку с ран, покрывающих Бракадию.

Пока самого Редриха под рукой не было, следовало разобраться с его вернейшим слугой. Суд проходил в церемониальном зале ратуши. Все убранство уже растащили, и теперь это был темный голый зал, в котором вокруг железного кресла с ремнями расставили стулья для Хроуста и его приближенных. Хроуст распорядился провести суд в строжайшей тайне от народа. Солдатам-очевидцам было сказано, что на Рейнара у Шарки просто не хватило сил, а тем, кто слышал разговор с Моррой, приказали помалкивать.

На суде присутствовал сам Хроуст, семеро его гетманов – Кирш, Бабеш, Петлич и другие, – а также Шарка и Латерфольг. Егермейстер занял место по правую руку от Шарки. Он постепенно приходил в себя: уже помогал военному лагерю, но говорил мало и резко и больше не смеялся и не шутил, как прежде. Свободные от забот минуты он проводил в одиночестве на стенах, где нашли смерть его товарищи, и на поле, где развеяли по хиннским традициям прах его всадников. В комнату, отведенную ему и Шарке, он не зашел ни разу, а с Шаркой, как и со всеми остальными, говорил лишь по делу. Сейчас он сидел прямой как стрела, с крепко сжатыми кулаками, всем существом ожидая появления заклятого врага.

Рейнара привели на поводке, с руками, крепко стянутыми веревками, и завязанными глазами. Герцог прошел к креслу, ведомый конвоем. При его появлении нетерпеливо заерзали все, кроме Хроуста и Латерфольга; последний подался корпусом вперед, с трудом сдерживаясь, чтобы не броситься к пленнику.

Подсудимого усадили в кресло. Вербки сняли, почему-то оставив руки свободными, зато шею и голени приковали к железным ножкам и спинке. Один из конвоиров, насмешливо ухмыляясь, водрузил рядом грязное знамя Митровиц с крылатым псом в латах на желтом поле.

– Снимите повязку, – велел Хроуст. – Если бы у него был разрушительный Дар, он бы давно им воспользовался.

Конвоиры неуверенно приблизились к Рейнару, и один из них, самый храбрый, стянул повязку резким движением, словно боясь обжечься. Рейнар помотал головой, насколько позволяли ремни на шее, и поморгал, привыкая к свету. Выглядел он жалко, хуже, чем перед пастями теней, несмотря на то, что его вымыли и дали чистую одежду. Исхудавший, словно его не кормили все это время, он обвел мутным взглядом собравшихся перед ним врагов: равнодушно посмотрел на Хроуста, хмыкнул при виде Латерфольта и наконец уставился прямо в глаза Шарке. Она вынесла его взгляд спокойно: в нем не было ненависти или презрения, хотя именно этот человек пять дней назад собирался ее похитить, а потом убить. Болезненная усталость, почти равнодушие... Рейнар отвел взгляд и уставился в пол.

– Герцог Рейнар из рода Митровиц, сын Хладра, – Хроуст с булавой на коленях сидел напротив. – Ответь на мои вопросы, и, возможно, участь твоя будет не так ужасна...

– Да чего с ним разговаривать! – перебил Латерфольт, вскакивая на ноги. Кириш и Петлич вскочили за ним. – Он ничего не расскажет. Мы теряем время! Этот человек убил шесть сотен наших братьев и сестер, не считая тех, что в прошлом...

– Латерф, сядь.

Тяжелый голос Хроуста заполнил зал, как вода наполняет сосуд. Латерфольт медленно опустился на стул. Шарка почти слышала, как яростно колотится его сердце.

– Я отвечу, – сказал Рейнар и поднял голову.

– Трус! – прошипел Кирш, усаживаясь.

– Предатель! – добавил Петлич.

– Я сказал молчать! – взревел Хроуст, и Сиротки наконец умолкли. – Скажи, герцог Митровиц, откуда у вас кьенгары? Свортек был не единственным?

– Нет. У нас еще много кьенгаров, я сам точно не знаю сколько. Свортек передал часть Дара задолго до смерти, но Гильдия сохранила это в секрете.

Хроуст нахмурился. Сиротки пришли в волнение, но, опасаясь гнева предводителя, удержались от комментариев.

– Откуда ты узнал о штурме? Среди нас есть лазутчик?

– Был.

– Морра?

– Морра здесь ни при чем. – Рейнар заговорил громче: – Она никогда не любила его величество и не предана ему. Она следовала за ведьмой, потому что думала, что в ней осталась часть Свортека, но никакого отношения к штурму она не имеет. Не трогайте ее.

– Тогда кто?

– Мархедор. Кьенгар, которого вы убили. У него был Дар невидимости, он проник в Тавор и все это время разведывал ваши планы.

– Но в Тавор невозможно попасть просто так!

– Ну, у него был еще Дар зрения, или как там оно называется. Я не знаю этих магических штучек...

– Он же издевается над нами! – снова вскричал Латерфольт, и на сей раз Хроуст не стал его останавливать. – Каждое его слово – ложь! Нет никакого Дара невидимости и зрения! Ты же сам это знаешь, Ян!

– О Даре исцеления мы тоже раньше не слышали, – возразил Кирш.

– Мать твою, Кирш, ты что, совсем тупой?

Хроуст молчал.

– Позволь мне, Ян, – продолжал Латерфольт, задыхаясь, – просто позволь мне! Я вырву из его поганой глотки все, что захочешь, а потом сделаю так, чтобы эта мразь подыхала как можно дольше и мучительнее! Пусть его ублюдки смотрят, как он вопит и умоляет меня!

Шарка никогда не видела его таким – и это зрелище не вызвало в ней ничего, кроме гадливости. Разве это он, ее нежный егермейстер, знаменитый герой и защитник обездоленных?

Хроуст поднялся с места, никак не ответив на слова Латерфольта. Сиротки тоже вскочили в растерянности: руки у Рейнара все еще были свободны, но тот не шелохнулся. Гетман подошел к герцогу и вытащил из-за пояса кинжал. За спиной Хроуста Шарке не было видно, что он делает. Но когда Хроуст отстранился, Рейнар был цел и невредим. Старик разрезал рукава на рубашке герцога, взял его левую кисть и вытянул обнаженную руку так, чтобы ее все видели.

– Ха! – захохотал Кирш. – Ты не только предатель и неудачник – ты еще и самоубийца!

Сиротки, кроме Латерфольта и Шарки, подхватили его смех.

Предплечье Рейнара не просто покрывали шрамы: кожа на нем была стянута так, словно мясо кромсали, а затем наскоро и грубо сшили из лоскутов кожи. Уродливые следы позора тянулись от локтей до запястий со всех сторон. Правая рука тоже была искалечена, но чуть меньше: видимо, Рейнар начал с левой, а на правую ему не хватило сил.

Хроуст опустил руку Рейнара. Тот принялся прикрывать шрамы тем, что осталось от рукавов, и впервые за весь суд в его движениях проявилась нервозность. Еще бы – самоубийца... Пожалуй, даже грехи уныния и мужеложства не могли сравниться в Бракадии с попыткой покончить с жизнью. Судя по тому, как громко и злорадно хохотали военачальники Хроуста, самоубийц осуждали не только последователи Единого Бога. Не сумев спря-

тать шрамы в рукавах, Рейнар обхватил себя за бока, словно пытался согреться. В его взгляде вспыхнула волчья злость, похожая на ту, что несколько мгновений назад исказила до неузнаваемости лицо Латерфольта.

– Довольно!

Слово Хроуста оборвало хохот. Гетман не вернулся к креслу, но остался стоять перед Рейнаром, не сводя с него взгляд единственного глаза.

– Я повидал на своем веку множество странных людей, – начал он со вздохом. – И все же для меня Рейнар из Митровиц – самая большая загадка. – Он выдержал паузу, чтобы все присутствующие успели настроиться на серьезный тон. – Ты самый верный человек короля, все это знают. Но не многие знают, что поводов ненавидеть Редриха у тебя еще больше, чем у нас. Никто из вас, – он обернулся к Сироткам, – не задумывался, почему мы никогда не совершали набег на Митровицы – эту горную область на северо-западе Бракадии?

Военачальники выглядели растерянными. Один Латерфольт и бровью не повел. Шарка внимательно слушала каждое слово Хроуста, чтобы не вышло как с Моррой, когда она пропустила мимо ушей самое важное.

– Митровицы, – продолжал Хроуст, – знамениты не только своими богатствами. Многие уже забыли, но я не забыл: еще сто лет назад Бракадией владели короли именно из этого рода. Они правили славно и достойно: первыми собрали страну воедино и первыми начали брать на службу кьенгаров вместо того, чтобы охотиться на них и сжигать на кострах. Так продолжалось несколько веков, пока не умер старый король Арбрехт. Корону унаследовал его сын Хешт, но спустя пару дней после коронации он внезапно и скоропостижно скончался, а его жена забрала детей из Хасгута в Митровицы и поклялась присягнуть на верность двоюродному брату Хешта по материнской линии – Зикмунду Первому, прадеду короля Редриха.

Шарка снова начала путаться в незнакомых именах, хотя Хроуст говорил медленно, словно разжевывая все для нее одной. Сиротки нахмурились и приоткрыли рты.

– Что за чушь я только что услышал, – пробормотал Рейнар себе под нос, но в полном молчании его слова прозвучали достаточно громко, чтобы Хроуст их расслышал.

– Чушь? – усмехнулся Хроуст. – Я не говорил тебе, что ты жуть как похож на своего отца Хладра? Да, я помню всех, и Хладра тоже.

Молчание.

– Мы встречались с ним втайне от всех спустя десять лет после казни Тартина Хойи. Хладр сам рассказал мне эту историю и даже показал свидетельства: дневники твоего прапрадеда Хешта, на последних страницах которых он описывает собственной рукой, как Зикмунд угрожал убить его детей, если он добровольно не примет яд и не отдаст корону панам Хасгута. Станешь дальше упрямым, Рейнар? Сделаешь вид, будто отец не рассказывал тебе и братьям этой истории? Печально, но сам Хладр умер вскоре после нашей встречи. Я даже не успел понять его замысел. Думаю, он не хотел трона, но чувствовал, что Редрих – это язва на теле Бракадии. Я лишь успел поклясться ему, что никогда в жизни не подойду к Митровицам с булавой в руке. Свое обещание я держу, как видишь.

– Мой отец любил Редриха и был ему верен всю жизнь. Они выросли бок о бок. Он никогда не настраивал нас против короны. Он взял с короля клятву, что тот присмотрит за нами после его смерти...

– О да! Редрих и присмотрел: послал всех троих сыновей Хладра в самое пекло в битве с Аллурией!

– В той битве нужны были грифоны, чтобы помочь Свортеку. Редрих этого не хотел...

– Он не хотел только одного: чтобы ты вышел оттуда живым.

– Чушь! – Лицо Рейнара сморщилось, словно его прошила боль.

– Ты знал об этой «чуши», пес! – подал вдруг голос Латерфольт. – Ты сам рассказывал мне о ней, когда мы, как наши отцы, встретились ради заговора – того самого, который ты

провалил, обоссавшись от страха и погубив моих людей! Но тогда-то ты был так уверен! Тряс передо мной дневниками Хешта! Клялся отомстить за своих чертовых братьев! Ты всегда знал, будь ты проклят!

– Латерфольт, – угрожающе процедил Хроуст.

Сиротки нервно перешептывались. Шарка вдруг осознала, что, силясь все понять и запомнить, забыла дышать – или это голова кружилась от услышанного?

– Ответь мне, сын Хладра, – продолжил Хроуст, дав Сироткам вдоволь нашептаться, – почему бы тебе не взять то, что принадлежит тебе по праву?

Рейнар долго не отвечал, словно рассчитывал, что Хроуст забудет о вопросе и оставит его в покое. Но гетман упрямо ждал, не шелохнувшись. Замерли и Сиротки, и даже Латерфольт. Наконец рот герцога перекосила ухмылка:

– Да потому, что народу плевать, кто король: я, Редрих, маленькая ведьма или ты! Для него не изменится ровным счетом ничего. Он, народ, уже давно забыл, из-за чего грызетесь вы с Редрихом или Редрих с Митровицами. А лично мне корона и даром не нужна! Я провел с Редрихом достаточно времени, чтобы увидеть, что она делает с людьми. Такой судьбы я не пожелаю даже тебе, старик. Кроме того... я понимаю, к чему ты ведешь. Ты хочешь предложить мне вместе свергнуть Редриха и думаешь, что я от счастья затанцую на задних лапках, как болонка.

– Древние рода Бракадии пойдут за тобой. Для них кровь – это все...

– Никто никогда и никуда за мной не пойдет! Я самоубийца. Я еретик. Я предатель. Я торчок. При дворе считают, что я сплю со своим оруженосцем. Армия думает, что я убил их генерала. Я не смог даже подарить детей своей жене, и наш брак был расторгнут. – Рейнар расхохотался: – Ты смешон, Ян Хроуст, в своей жажде мести и власти!

– Да как ты смеешь! – закричал Латерфольт и, уже не в силах сдерживаться, бросился к Рейнару. Кириш и Петлич схватили его за плечи, но Латерфольт сбросил их с себя и стал наступать на герцога: – Смешно? Это ты смешон и жалок, шваль! Дело даже не в короне, а в чести! Редрих отнял у тебя все: убил твоих братьев, забрал твоих грифонов, украл даже герб твоего рода, оставив тебе собаку! Собака ты и есть, и неудивительно, что Редрих вытирает о тебя ноги!

Егермейстер оказался рядом с герцогом. Оружия при Латерфольте не было, но, кажется, он готов был убить Рейнара голыми руками: пальцы скрючились, как вороны когти, и только молчание Хроуста останавливало его. Шарка вдруг заметила глаза Своры за железным креслом. Она их не звала, точнее, не заметила, как призвала, и уж точно не смогла бы себе ответить, зачем это сделала.

– Убьем его, Ян! – кричал Латерфольт. – Он бесполезен! Добудем все, что нам нужно, от других пленников. Я скорее смирюсь с Редрихом, чем присягну такому, как Рейнар!

– Впервые в жизни хинн дело говорит, гетман, – развеселился Рейнар. Но тут же пощечина, такая сильная, что Шарка почти ощутила ее на собственной щеке, заставила его замолчать.

– Заткнись, Латерфольт! – Терпение Хроуста закончилось. – Не тебе отдавать приказы! Не тебе, который все эти дни только и делал, что хныкал, как дитя, когда я в нем нуждался! Шарка!

Она вздрогнула, словно забыла о собственном существовании. Теперь на нее смотрели все: и дрожащий от ненависти и обиды Латерфольт, и Рейнар с разбитыми, но все еще ухмыляющимися губами, и Хроуст, который от гнева словно вырос, как великан, и ничего не понимающие Сиротки. Шарка обнаружила, что уже давно стоит на ногах, а вокруг нее уплотняются демоны.

– Шарка! – повторил Хроуст и сделал шаг в сторону, чтобы не загораживать пленника. – Убей герцога Рейнара!

– Что?

Он не повторил приказ, но по одному его виду она поняла, что ей не почудилось. Шарка мотнула головой, словно пытаясь сбросить с себя взгляд болотного цвета глаз Рейнара и взгляд Латерфольта, который впервые за пять дней смотрел на нее, а не сквозь нее.

Разве Хроуст не обещал, что больше ничего не попросит?

Латерфольт в два прыжка оказался прямо перед Шаркой и схватил ее за плечи:

– Давай, Шарка! Это суд, и он велит тебе казнить этого человека! Делай же!

Она слабо попыталась вырваться из его хватки, но руки, которые совсем недавно ласкали и оберегали ее, впивались все сильнее. Хроуст вмешался и разнял Латерфольта и Шарку, как отец дерущихся детей. Герцог в ошейнике снова рассмеялся неприятным сухим смехом...

Она вышла из-за спины Хроуста и встала напротив Рейнара. Тот умолк, но ухмылка так и не сошла с окровавленного рта. На мгновение она вдруг увидела лицо молодого Рейнара – того прекрасного длинноволосого вельможи с высокомерным прищуром из сна Свортека. Демоны стеклись к железному креслу, и в следующий миг оно утонуло в многорукой, многоголовой, бурлящей тьме. В ее копошении пропали очертания человека. Черный водоворот вился и вился вокруг пленника...

А затем замер и опять превратился в стаю демонов, припавших на передние лапы, как псы перед хозяином. Рейнар проступил из тьмы, бледный и испуганный, но живой и невредимый. Свора пожирала его взглядами жемчужных глаз, но ни одна лапа, ни одна пасть так и не коснулись герцога.

– Вот почему мы не уьем тебя, – произнес Хроуст, спокойный, как фокусник, который только что показал несложный трюк. – Может быть, ты сам уже давно сдался. Но у Свортека были на тебя планы, раз он передал тебе часть Дара.

– Свортек ничего мне не передавал, – выдохнул Рейнар. – Клянусь!

– Твои клятвы яйца выеденного не стоят, – выпалил Латерфольт.

– Выведите Рейнара, – распорядился Хроуст, не дожидаясь очередной перепалки. – Дайте ему новую рубашку. Никаких больше цепей и ошейников. Мы с вами увидимся на второй части суда, ваше величество.

Конвоиры отстегнули Рейнара от кресла и вывели из зала. Следом вышли, получив одобрение Хроуста, Сиротки, перешептываясь на ходу. Гетман уселся обратно на свой стул: старые ноги устали от долгого стояния. Латерфольт не спешил покидать зал, как и Шарка, которая вообще слабо представляла себе, что делать без их приказов.

– «Ваше величество»? – переспросил Латерфольт, едва двери за Сиротками захлопнулись. – Неужели это не сон, Ян? Ты правда хочешь сделать его королем?

– К нам сейчас стягиваются все, кого правление Редриха оставило ни с чем, – устало ответил Хроуст, вытирая пот из-под повязки на глазу. – Но это в основном крестьяне, отцепенцы и бывшие рабы. Нам нужны могущественные союзники. Редрих уже собирает силы...

– Рейнар однажды обманул меня ради короля, хотя в те времена еще не был таким жалким ублюдком и хотел мести! Что помешает ему обмануть тебя сейчас?

– Если Митровицы перейдут на нашу сторону, Редриху конец.

– Я всегда видел королем тебя, Ян Хроуст! Ты – Король Обездоленных... Нет, к черту королей! Ты, наверное, забыл, почему нас называли Сиротками, когда ты якобы пал. А теперь ты готов отдать трон человеку, которого Редрих зовет своим сыном!

– Латерфольт.

Уже который раз за день имя Латерфольта было произнесено так, что тот послушно замолк.

– Даже если мы отдадим корону Рейнару после того, как свергнем Редриха, вечно он носить ее не сможет, – тихо произнес Хроуст. – И пусть Даром его не убить, он останется сломленным, слабым калекой.

Латерфольт угрюмо промолчал. Кажется, замысел гетмана ему не понравился, но он не нашел возражений. Кинув короткий взгляд Шарке, он протянул было ей руку, но тут же резко отдернул ее и выбежал из зала.

Вторая часть суда состоялась на площади, где пять дней назад Шарка и Рейнар сошлись в схватке. До сих пор Шарка старалась обходить это место стороной, боясь, что оно снова вернет ее к тем событиям. Но сейчас здесь была тьма народу, а на краю площади выстроили деревянный помост – и ей в голову вдруг пришло другое воспоминание. Она как будто перенеслась в тот день, с которого все началось: день весенней ярмарки в Тхоршице, которую она разнесла, не оставив камня на камне. Удивительно, как давно она не вспоминала, как разорвала на мелкие кусочки Пригожу и как умоляла капитана конной полиции отпустить ее с миром, еще не зная, чем обернется его отказ...

В толпе она вдруг увидела Дэйна в сопровождении Тарры. Раньше оба оставались в Таворе – Латерфольт слишком дорожил своим советником, чтобы пустить его на битву, – но теперь вместе с остальным войском Хроуста приехали в Козий Град. Статный и гордый Дэйн уже был совсем не похож на прежнего тощего заморыша, да и сама она, в новом зеленом платье, под руку с героем непокоренной Бракадии, слабо напоминала испуганную шлюху... Но пусть ей снова бросали под ноги цветы и выкрикивали ее имя, как боевой клич, гордости и счастья Шарка больше не испытывала.

Дэйн взошел на помост вслед за Хроустом и сестрой, и его первый поклон и приветствие были адресованы, конечно, гетману. Для него даже приготовили отдельное низкое кресло слева от Хроуста, чтобы мальчику было удобнее в него забраться. Позади расселись шестеро военачальников, а чуть поодаль в передней части помоста пустовало еще одно кресло – наверное, для Латерфольта, которого Шарка так и не нашла глазами в толпе.

Люди столпились по краям площади, чтобы оставить ее центр и противоположную помосту часть незанятой. Там располагалась небольшая терраса с колоннами. Когда народ застыл и умолк, конвой вывел группу людей и привязал их к колоннам. Восьмеро пленных изнывали на солнце, израненные и избитые, ожидая своей участи. На грудь каждому нацепили знамя – но не черного грифона Бракадии, а герб панов Хасгута, изображающий меч и корону.

Снова казнь, мрачно думала Шарка, вжимаясь в кресло, пока народ взывал к ней и к Хроусту. Правда, на сей раз она не палач, а свидетель – но облегчения эта мысль не приносила. Шарку даже удивило, когда ей сообщили, что в казни она участвовать не будет: ей казалось, что теперь Хроуст начнет использовать Дар при каждом удобном случае. Но, кажется, гетман был намерен сдержать данное ей слово.

Восьмеро стрелков, вооруженных луками, вышли на площадь и выстроились у помоста, глядя на Хроуста. Среди них были командир стрелков Петлич и Латерфольт. Егермейстер надел хиннский плащ, расшитый узорами его народа, тот самый, в котором привел Хроуста в Тавор. Тот самый, по которому так небрежно прошел к Шарке, сгорая от желания и нежности... Сейчас его взгляд был холоден и резок и не потеплел, когда скользнул по Шарке.

А затем на помост вывели последнего гостя, и Латерфольт скривился, даже не пытаясь скрыть презрение. Рейнара нарядили в легкий доспех грифоньего всадника, смыли с него кровь и подстригли бороду. Особой величавости ему это не придало, хотя герцог сохранял невозмутимый вид, словно все происходящее его никак не касалось. Он занял свое место, и Шарка

услышала, как тихо звякнули цепи, хотя с ее места трудно было рассмотреть, как именно его приковали к креслу.

Хроуст поднялся и указал булавой-кулаком на пленных:

– Вы – верные люди своего короля, – сказал он, перебивая громовым голосом шепотки и шум. – Я предлагал вам мир под своим стягом, но вы его не приняли. Поэтому теперь все, что я могу вам дать, – это достойная смерть.

Он отдал честь сердцем стрелкам; те вынули из колчанов стрелы и положили на тетивы.

– Рейнар, – тихо позвал Хроуст. Герцог покосился на него, не повернув головы. – Ты все еще можешь спасти своих людей. Не сегодня, так завтра.

Рейнар молчал.

Латерфольт первым натянул свой лук, еще ни в кого не целясь, но не отводя взгляда от Хроуста. С такого расстояния ему, должно быть, не было слышно, что сказал гетман герцогу, но его лицо снова исказилось оскалом, обнажив крепкие зубы. Лук взлетел в воздух, и стрела затрепетала на тетиве, целясь прямо в голову Рейнару. По толпе прошел судорожный вздох. Хроуст снова вскочил, у Шарки перехватило дыхание... Но в следующий миг Латерфольт резко развернулся, и стрела, выпущенная со всей силы, вонзилась в череп пленному у центральной колонны.

Несчастный, наверное, даже не успел понять, что произошло, когда голова его свесилась на грудь, а тело обмякло на веревках, сползая вниз. Никто не проронил ни звука. Латерфольт опустил лук, а затем, издав вдруг полный злости короткий вой, от которого содрогнулись все до единого, швырнул оружие себе под ноги и выбежал с площади, исчезнув в толпе.

Нужно поговорить с ним, думала Шарка, бесцельно шатаясь по коридорам уснувшей крепости и накинув на голову капюшон, чтобы не привлекать внимания ночных стражей. Просто поговорить, без мольб, угроз и искусных речей, на которые она и сама, безграмотная простолудинка, была не способна. Они разучились говорить и слышать. Но *он*, возможно, еще может...

Ночь была единственным временем, когда Шарка была предоставлена сама себе. В это время военачальники не требовали ее присутствия, а раненые – ее заботы, Хроуст не таскал ее за собой, Морра... Морру она не видела со дня штурма. Дэйн забывал о ее существовании, Латерфольт после своей выходки снова исчез, а она не стремилась его искать. Если бы был только шанс встретить того любящего и жизнерадостного Латерфольта, имевшего доброе слово и утешение для всех, игравшего с ее волосами и украдкой срывавшего с ее губ поцелуй... Но Шарка чувствовала, что тот Латерфольт пока подавлен новым – чужим, гневным и упрямым.

Поэтому ей так нужно было поговорить с *ним*. С единственным, кто хотел лишь ее смерти и, возможно, носил в себе разгадку плана Свортека.

С Рейнаром.

Но хотя герцог больше не был пленником, Шарка сомневалась, что ее к нему пустят. И даже если это произойдет, что стоит ему завершить свою миссию и убить ее голыми руками? Ведь Дар рядом с ним бессилен. Что может девчонка против крепкого воина, пусть и искалеченного, но сумевшего тяжело ранить закаленного в боях егермейстера?

Она прошла мимо кухни, где сутились повара, уже готовившие завтрак на утро, и вдруг застыла как вкопанная. Среди кроликов, кур и дичи на одном из столов синела пятнистая маленькая тушка. Безжизненные ножки, оканчивающиеся золотыми копытцами, свесились

со стола, норовя увлечь за собой тело. Поваренок заметил это, метнулся ко столу и переложил тушку. Подернутые пеленой глаза овво – священного зверя хиннов, способного исцелять болезни и замедлять старость, как говорил Латерфольт, – обвиняюще уставились на нее.

IV. Заговор

С каждым днем к крепости стягивалось все больше людей. Вслед за отребьем, нищими, бродячими артистами и бывшими разбойниками стали приезжать мелкие дворяне. Морра не знала их историй, не знала их лично – сама она вращалась в куда более высоких кругах. Но Кирш, которого так и оставили надзирать за баронессой, временами отпуская замечания, из которых складывалась общая картина.

Редриха подвела не верность людей Хроусту и Хойе и даже не смерть Свортека. Налоги, которые он так и не снизил после войны, несмотря на все обещания, толкали людей под флаг с рогатым жуком ничуть не хуже речей о братстве. Сколько бы напыщенные гетманы Хроуста ни писали своих дурацких писем, вовсе не они приводили людей в этот лагерь, теперь уже более внушительный, чем Тавор.

Морра все пыталась выведать, что там с новым королем. То, что Хроуст воспользуется Рейнаром, было ясно как день – но вот воодушевит ли такая кандидатура народ? Кирш легко раскололся, со вкусом описывая, как Рейнар каялся в своих грехах:

– Надо признать, он хотя бы честен, – хохотал он, раскинувшись на простынях, разгоряченный и еще более шумный, чем обычно. – Обожаю этот момент! Слушай, слушай: самоубийца, еретик, торчок, изменник, убийца генерала, любитель черных ходов, бесплодный...

От слов его стало неожиданно мерзко, мерзее, чем то, как она добыла у него эти сведения. К удивлению Морры, даже после ее истерики в ратуше Хроуст оставил ее при себе. Сейчас, когда гетман был занят, собирая силы, они больше не ужинали вместе, хотя он все еще регулярно осведомлялся у нее, что ему сулят звезды. В его отсутствие Морру под свое крыло взял Кирш, и ей не составило никакого труда подобраться к нему так близко, как только может подобраться прекрасная и умная дева к похотливому солдафону, пусть даже он гетман, советник и прочая, и прочая.

– Вы говорили с ним?

– Он отказывается говорить с кем-либо. Утверждает, что его верность Редрихе вечна, бла-бла-бла. И что о замысле Свортека он все равно ничего не знает.

– Что же делать, если Митровицы не объединятся с нами?

– С нами? – Рыжие брови подскочили. – Ты-то, кошечка, уже определилась со своей стороной?

– Давно определилась. Моя сторона – сверху, – отозвалась Морра, забираясь на его живот. Кирш облизнулся, вытянул руку, пытаясь поймать ее груди, но Морра шлепнула его по длинным кривым пальцам. – Ну, скажи: кто будет у нас новый король? Одноглазый, узкоглазый или безрукий?

– Сироткам не нужен король. Это было решено, когда тебя еще на свете не было. Короли вырождаются, и твой Рейнар – прямое тому подтверждение. Мы сражаемся за вольное братс...

– Да-да-да, – нетерпеливо перебила Морра и, подавшись корпусом вперед, надавила Киршу на шею. Тот восторженно захрипел и умолк: то был один из немногих способов его заткнуть. – Почему бы тогда не убить Рейнара, раз он бесполезен? Не из жалости же? Зачем Хроуст его держит?

Хватка на горле Кирша ослабла.

– Ну, видать, у Свортека были на него свои планы, раз он передал ему Дар Щита, или как он там называется? Но мерзавец молчит. Наверное, надеется, что про него забудут. А что, кошечка...

Кирш наконец добрался до ее груди, и она не стала его останавливать. Голос гетмана мало-помалу превращался в маловразумительное воркование:

– Ты хотела бы сама отомстить ему за то, что так и не стала герцогиней Митровиц? Почему тебя это так волнует?

– Потому что вы ничего не умеете, – едва слышно прошептала Морра, но Кирш ее уже не слышал.

Добыча информации была долгой, унижительной, но с каждым днем Морре открывалось все больше. Тут и там по всей Бракадии вспыхивали восстания – совсем как тридцать три года назад, когда ее самой, как верно подметил рыжий, еще на свете не было. Но все же баронесса помнила свое детство до того, как бабка Бликса забрала ее (тогда еще Тлапку) в Верхозим, захолустье в горной долине, где жила от силы сотня человек. Она помнила, как по дороге над сожженными деревнями и поместьями дворян поднимались черные столбы дыма, как приходили к Бликсе за исцелением люди, искалеченные в боях. Помнила королевство в постоянном движении: перемещающиеся армии, преследователи и преследуемые, мучители с обеих сторон и те, кто лишился всего. Помнила всех, хоть даже ее красноречия не хватило бы, чтобы описать холодную пустоту в глазах...

Со дня штурма Морра не встречалась ни с Латерфольтом, ни с Шаркой, ни тем более с Фубаром. Кирш таскал ее с собой везде, как собачонку, и она ловила на себе и на нем завистливые взгляды остальных, кому такого роскошного трофея не досталось. Кирш хвастался своей властью: наверняка весь Козий Град уже знал с его слов каждую пядь ее тела, но ее это не заботило. Пусть себе бахвалится днем – главное, что ночью его болтливость, потливость и тупые шуточки окупались с лихвой.

Так она узнала, что Шарка замкнулась в себе и проводит все время с Таррой, который учит ее читать, писать, носить доспех и обращаться с оружием. Морра даже ощутила прилив гордости, который немедленно принялась в себе давить. «Ну, не все же ноги раздвигать», – думала она, словно сама не занималась ровно тем же, и снова коготь злости впивался в нее, как липкие пальцы Кирша.

Еще она узнала – над этим пришлось немало поработать, – что Хроуст послал гонцов не только во все города Бракадии, но также в Аллурию и Волайну. Эти новости оставили Морру в растерянности и раздосадовали самого Кирша.

– Аллурия и Волайна? – глупо переспросила она. – Наши давние враги?

Рябое лицо Кирша сморщилось, как засохшее яблоко.

– Все... изменилось.

– Да неужели? Ты, кажется, забыл, что я провела у трона столько же лет, сколько ты под копытом у Хроуста! Ничего не изменилось. Вы... Мы можем слишком дорого за это заплатить.

– Тоже мне, советница нашлась. – Кирш, мрачнее тучи, подскочил с подушек и принялся нервно наливать себе пиво. Неизвестно, что задевало его больше: слова Морры или собственные мысли.

– Ты же гетман Хроуста! Почему ты ничего не сказал?

– Я говорил. Но Хроуст считает, что людей, которые присоединяются к нему, все еще слишком мало. А пока недонаследник играет в молчанку и Митровицы все еще на стороне Редриха, это – единственный выход. И вообще, какого хера мы это обсуждаем? Ты что, возомнила, что, раз я тебя трахаю, можешь давать мне советы? Забыла, как после битвы, где ты даже не участвовала, тебя вывернуло наизнанку?

– Как грубо, Кирш! – Морра напустила на себя обиженный вид, продолжая судорожно соображать. – Я думала, я для тебя значу больше, чем простая шлюха. Ты даже не представляешь себе, сколько людей при дворе руку бы отдали на отсечение за половину того, что я сделала для тебя!

– Болтай, болтай, – неуверенно отозвался он.

Морра думала, что уже привыкла к ощущению полного поражения. Оно не проходило с тех пор, когда проклятый хинн поднялся из-под светящейся руки Шарки как новенький. С тех пор, как сама Шарка, которую она каким-то немислимым способом вернула из забвения, не бросила ей ни единого взгляда, а Рейнар попался в лапы Хроуста, хотя должен был отправиться на тот свет. Но сейчас провал обрел иной масштаб: уже не ее маленькая жизнь, а судьба целого королевства, ее королевства, с ее владениями и местом, которое она так долго себе добывала, висела на волоске.

Кириш, по-прежнему притихший, допил пиво, задул свечи и улегся рядом с ней. Неужели этот болван – удивительно, каких тупиц держит при себе Хроуст! – осознал, что теперь может легко лишиться языка? И что это значит для самой Морры? Кому ее отдадут теперь – мрачному Петличу, из которого уж точно и слова не вытянуть?

Она подобралась поближе и уткнулась подбородком в плечо, покрытое шрамами, оставленными давным-давно плетью на рудниках.

– Кириш, – мягко прошептала она. – Послушай... Я не хочу давать советов, но у меня есть идея. Просто выслушай...

– Посиди остынь, баронесса!

– Да пошел ты на хер! Какие мы нежные! Неудивительно, что вы понятия не имеете, что делать дальше, если ранить вас может и баба!

Кириш захлопнул решетку со всей силы, так, что остальные решетки в темнице зазвенели, и Морра с размаху упала на нары. Тяжелый топот затих, скрипнули замки, и воцарилась тишина.

В темницах, которые в первые дни после штурма были переполнены защитниками крепости, теперь было посвободнее, а в том крыле, куда определили ее, и вовсе пусто. Здесь располагалось всего четыре темницы. Пусть они были перекрыты не дверями, а толстыми решетками, чтобы надзирать за пленными было проще, и сам вход в крыло запирался на пять замков на железных дверях, все же эти камеры предназначались высокородным пленникам. Чистые простыни и даже подушка на нарах выглядели комично, словно нелепое извинение. Ведро для отправления нужды было отделено деревянной перегородкой, а над ним висел пучок душистых трав. Немислимая щедрость!

Морра обернулась, пытаясь рассмотреть пленника в камере напротив. Хотя в темнице царил прохлада, она ощутила, как на лице выступила нервная испарина. Затхлый воздух, пахнущий мочой и плесенью, вдруг обзавелся новой нотой: ноздрей Морры коснулся пряный дым. Сердце забилося в висках, пока она осторожно подбиралась к решетке, словно боясь, что спугнет пленника и тот просочится сквозь стены.

Рейнар сидел на нарах, прислонившись спиной к стене. В зубах его была зажата трубка, из которой и выходил тонкими струйками дым мадемы. Рейнар не смотрел на Морру: он растирал по предплечью мазь, ту же, которой белобрысая сучка Латерфольта лечила раны Морры от стрел.

Как замороженная, Морра наблюдала, как пальцы втирают мазь в рубцы – и старые, побелевшие, и новые, относительно свежие, – как Рейнар морщится, словно ему противно прикасаться к собственной руке. До чего же он постарел. Там, в Хасгуте, они старались не пересекаться, если того не требовали придворные обязанности. Встречаясь в коридорах, молча расходились в разные стороны. Морра стремилась как можно меньше находиться в обществе Рейнара – не потому, что боялась (под крылом Свортека она не боялась никого), но потому, что не хотела видеть, как мед его глаз превращается в тусклую ржавчину и как понижают с годами некогда гордые плечи.

– Тебя-то за что?

Она не сразу поняла, что обращаются к ней: голос Рейнара был тих, как шуршание ткани по камню.

– Назвала Латерфольта пиздоглазым, – ответила она как бы нехотя.

Рейнар хмыкнул.

– Говорят, все никак не отойдет после твоего удара, – продолжила Морра.

«Просто продолжай говорить, пока голос не окрепнет».

– Злобный стал, страшный... Уже не горланит, как дурак.

– Пусть скажет спасибо. Если бы я хотел, он бы так и подох там, на плацу.

– Ты слишком добр.

Рейнар не ответил. Раны наконец были обработаны, руки свободны. Он глубоко затаился и исчез в клубах дыма.

– Я думала, у тебя, как у важного пленника, камера получше.

– Обычно да. Но сегодня внезапно решили сменить мне постель и вытравить клопов, вот и посадили пока здесь. Такая забота!

– Откуда у тебя мадемма?

«Разговори его, пока он в настроении! Как удачно, что у него есть любимая дурь – уж не Кирш ли постарался?»

– Все хотят дружить с королем. Я попросил, и они принесли. Может, еще чего сделают. Как думаешь, велеть доставить сюда моего оруженосца?

Шутит... Хороший знак! Но это была не шутка: уже в следующей фразе в голосе Рейнара дрогнула тревога. Никто бы не заметил этой единственной высокой ноты, но Морра услышала бы ее и сквозь залпы ружей.

– Интересно, как он там, в этом проклятом *Хасгута*, куда я его притащил? Жив ли?

– Я думаю, жив и здоров, – осторожно ответила она. – Он умнее, чем кажется, и все так же хранит ваш маленький секрет.

– Если бы я только мог как-то сообщить ему, чтобы он убирался подальше от *Хасгута*... Это единственное, что меня заботит.

– Думаю, ему помогут догадаться, что пора бежать.

Отлично, теперь нужно думать, как подобраться к Фубару и заставить его свалить из проклятого Козьего Града! Но если это заставит Рейнара стряхнуть оцепенение, то нужно попробовать.

Рейнар снова замолчал. Пока он не курил, наслаждаясь волнами блаженства, Морра рассмотрела его получше, пытаясь зацепиться хоть за что-нибудь, чтобы не дать разговору угаснуть. На шее герцога болтался крошечный мешочек на шнурке. Вот та деталь, какой она никогда не видела!

– Что у тебя на шее? – спросила Морра как можно дружелюбнее, но это оказалось ошибкой. Рейнар, который уже намеревался развалиться на нарах, тут же подобрался, сжал мешочек в кулаке и рявкнул:

– Что тебе надо?

– Ничего. Меня просто посадили сюда. Что тут еще делать, если не...

– Сиротки, конечно, идиоты, но не такие, чтобы случайно посадить тебя и меня в одну клетку! Решили подслушать, о чем мы будем трепаться, а? Кто тут, Кирш? Может быть, сам Хроуст?

– Рейнар, я ничего не...

– Неужели ты впервые в жизни определилась, за кого ты? Если это так и теперь ты прислуживаешь одноглазому, то я даже не удивлен! За эту пару месяцев случилось столько дерьма, что я уже устал удивляться.

– Я не...

– Можем поболтать, если тебе скучно. О погоде, например. Но если ты вправду решила встать на сторону Хроуста, то прошу, завали свое хлебало!

Когда в последний раз Рейнар так разговаривал с ней? Ту пару раз, что ему удалось прорваться к ней, пока Свортека не было рядом... При мысли о Свортеке Морра почувствовала, как тело против воли оттаскивает ее от решеток и сжимается, напрягается до последней мышцы, как в тот день в ратуше. Все это время – в постели Кирша, в одиночестве без него, в их комнате – она гнала от себя эти мысли, зная, что они могут с ней сотворить.

Но сейчас Свортек затмил Рейнара, который снова улегся на своих нарах, пуская в потолок аккуратные кольца дыма. Костистое лицо преследовало ее в тенях и неровностях камней, куда бы она ни посмотрела. Нужно отвлечься! Может, все это время она пыталась не разговаривать Рейнара, но заткнуть чертового Свортека в своей голове?

– Рейн, – позвала она. Тот не отозвался. – Я никогда бы не подумала, что Редрих решится сделать это с Мархедором и бог знает с кем еще.

«Прекрасно, ты убежала от большой боли к чуть меньшей, но тоже пронзительной...»

Рейнар молчал.

– Не так Свортек желал разделить Дар между нами... Дело даже не в том, что это потребовало бы его собственной смерти. Но я ведь видела Мархедора и то, что с ним стало. Свортек бы не хотел этого...

«Да что ты вообще знаешь о том, чего он хотел? Отлично, вот они, слезы, уже душат! Разве ради этого ты с таким трудом завоевывала доверие Кирша, как последняя шлюха, хуже Шарки?» Но как бы Морра ни ругала себя, а слова лились и капали слезы, сквозь которые она успела заметить, как Рейнар опустился на пол у решетки.

– Теперь я вообще не понимаю, что он хотел! Мне казалось, что хотя бы к нам в Гильдии он не будет так жесток...

– Морра, почему ты плакала тогда?

– Из-за Мархедора.

– Нет. Не только.

– Все-то ты знаешь!

Злость всколыхнулась в Морре, и она кинулась к решетке, как если бы могла дотянуться до него, пнуть, избавиться от этого его умения – даже сейчас! – чувствовать, когда она врет. Но Рейнар не сдвинулся с места, или слезы и дым не позволили ей этого увидеть.

Морра вздохнула. Злость отошла так же резко, как нахлынула, и вновь уступила скорби.

– Он врал. Все эти годы твердил, будто он последний кьенгар. Моя бабка, Бликса, – ты ведь помнишь? Она была целительницей. Не просто знахаркой какой-то, Рейн. Она исцеляла любые раны. Я думала, что тот синий огонь под ее руками мне почудился, что я просто выдумала его, когда была маленькой. Но Бликса исчезла, когда мне было десять, просто испарилась. Я всегда знала, что она не просто бросила меня, а, скорее всего, ее убили как ведьму. Но я даже представить себе не могла, кто именно ее убил и зачем...

Рейнар спрятал лицо в ладонях.

– Когда Шарка исцелила хинна, я все поняла. Свортек похитил у Бликсы Дар, который предназначался мне. Свортек, которому я... Он отнял единственного моего родного человека, единственного, кого я любила!

До Морры вдруг дошло, *что и кому* она говорит, и она прикусила язык. Но Рейнар пропустил все мимо ушей – или не придал значения? Откуда ей было знать, как изменились он и его сердце за эти годы?

– В той битве, где погибли Римрил и Лотто, – внезапно заговорил Рейнар, – мы привезли Свортека на грифонах в осажденную крепость Отарак. Он был тяжело ранен и не мог биться. Мы откинули аллурийцев. Он зашел в крепость. И вышел оттуда сильнее, чем когда-либо, а затем...

– Я знаю, – перебила Морра, – я помню. Думаю, все эти годы он держал бабку при себе. А в тот день ему нужен был Дар, и он...

– Не продолжай.

– А ты еще спрашиваешь, на стороне ли я Хроуста! Разве тут можно быть на чьей-то стороне? Разве им не плевать на нас всех? Даже Свортеку?

Слова закончились. Все, что она хотела выведать для Кирша – согласится ли Рейнар принять корону, призовет ли Митровицы на войну, откуда у него Дар Щита, – теперь потеряло всякий смысл. Пленники молчали, каждый прижавшись к своей решетке: она – в слезах, он – в дыму.

– И все же у него был план для нас, – произнес Рейнар, – хотя я понятия не имею какой. Я уже говорил и клялся, что не знаю, откуда у меня Дар и как Свортек мне его передал. Но я уверен, что он не просто так дал Латерфольту Нить, а мне Щит. Если бы я только знал...

«Довольно! Хоть что-то ты можешь сделать, и сейчас – тот самый момент!»

Морра подняла голову и мутным взглядом уставилась на него:

– Рейн, помнишь... тот день в Митровицах, когда мы с тобой... в том лесу... когда я просила тебя кричать, как грифон, и Такеш к нам прилетел и...

Он усмехнулся, но усмешка придала ему несчастный, жалкий вид.

– Ты серьезно? После всего сказанного ты решила поиздеваться?

– Нет-нет-нет! – Морра спешила и задыхалась. – Помнишь, что я тебе рассказывала до этого? Про Свортека и *память*... – Она не могла говорить открыто, но Рейнар не дурак, далеко не дурак, он должен догадаться! – Помнишь ведь?

Медленно, целую вечность, Рейнар хмурился, пока до него сквозь дым мадемы доходил ее замысел. Давай же, давай!

– Помню, – наконец пробормотал он. – Ты хочешь сделать это так?

– Да, я могла бы...

– Хватит!

Резкий окрик заставил их вздрогнуть. Решетка дальней камеры распахнулась, и оттуда вылетел Латерфольт. Рейнар отполз в угол – как раз за мгновение до того, как хинн полоснул по прутьям кинжалом, вызвав скрежет, от которого зубы сводило. Морра успела поймать разочарование на лице герцога, хотя и ее само появление Латерфольта ошарашило: об этом они с Киршем не договаривались.

– Рейн! Я не знала, что он здесь, клянусь!

– О чем вы договаривались? Что за «тот день в Митровицах»?

– Не твое дело! Просто счастливое воспоминание.

– Будь ты проклята, Морра! Ты обещала, что уговоришь его, а на деле снова плетешь свои интриги! – рычал Латерфольт, грубо выволакивая Морру из камеры. – Который раз мы решаем тебе довериться и который раз ты предаешь наше доверие! Но этот случай был последним!

Он обернулся напоследок, встретившись взглядом с Рейнаром, который тем временем набивал трубку.

– Вы созданы друг для друга, – презрительно процедил Латерфольт. – Сладкая парочка предателей! Ты заслужил все, что она с тобой сделала. А ты заслуживаешь то, что имеешь сейчас!

– А ты заслуживаешь только трахать наивных девчонок! – заорала Морра, но Латерфольт встряхнул ее, явно едва сдерживаясь, чтобы не ударить. Егермейстер словно вырос и перестал походить на бородатого мальчишку. Сейчас Латерфольт стал настоящим свирепым хинном, какие наводнили Бракадию три века назад, предавая все на своем пути огню и мечу.

– Все, к чему ты прикасаешься, превращается в мусор, как Рейнар.

Он вывел ее из темницы и передал Киршу, который провел ее в комнату, не проронив ни слова.

Ни Волайна на западе, ни Аллурия на востоке так и не дали ответа. Тарра рассказывал об этом Шарке, показывая ей на карте эти страны. Волайна, скрытая за горами страна строгих законов, почитания Единого Бога и военного ремесла, выступавшая под оранжевым флагом с двухглавым львом, и Аллурия – морская держава за Галласом и Узким Проливом, над которой развевался синий стяг с белоснежным единорогом, – делили с Бракадией один язык, общий горный хребет Янвервольт и культуру. Вот только в разные времена они успели побывать как добрыми союзниками Бракадии, так и ее заклятыми врагами. Последняя война с Аллурией закончилась победой Бракадии благодаря Свортеку, который убил обоих аллурийских кьенгаров. У Волайны кьенгаров и вовсе не было вот уже несколько десятилетий. Это значило, что сейчас Бракадия, пусть и обессиленная внутренней войной, имела перед ними преимущество – Шарку.

О том, что Хроуст попросил помощи у тех, кто совсем недавно был готов стереть Бракадию в пыль, Тарра сообщил неохотно. В отсутствие Латерфольта, который наконец взял себя в руки и теперь собирал из хиннов новую кавалерию, именно он взял на себя роль учителя Шарки и немало этим наслаждался. Истории были его страстью, как Дар – страстью Морры. Но именно эту историю – запутанную и мрачную, от которой голова шла кругом, – он рассказал лишь тогда, когда Шарка спросила сама, услышав разговоры гетманов.

Что касается Морры, Шарка нередко видела ее на пирах, куда Морра таскалась за Киршем. Но обе девушки не решались даже приблизиться друг к другу: Сиротки следили за каждым их шагом. Во взгляде Морры Шарке временами чудилась мольба. Шарка бы сейчас не отказалась от такого союзника, зная, что ни Латерфольт, ни Хроуст не согласятся привести ее к герцогу, а мысль поговорить с ним так и не покинула ее.

Напряжение тем временем повисло над Козьим Градом. Сиротки, застрявшие в ожидании решения своего предводителя, маялись и ссорились, а сам Хроуст мрачнел и гневался, раздраженный молчанием Рейнара, Аллурии и Волайны. Первая стычка возникла между Латерфольтом и Киршем, когда Хроуст уехал проследить, как строятся вагенбурги – укрепленные повозки с ружьями, его движущиеся крепости и главное оружие на поле. В тот вечер Кирш, в котором давно уже зрело недовольство, подошел к Латерфольту после ужина и начал что-то шептать ему на ухо. Шарка и Тарра искоса посматривали на Старших детей Хроуста; Шарка заметила, как Морра за своим одиноким дальним столиком вытянула длинную шею, пытаясь уловить хотя бы слово.

– Я же сказал, нет! – рявкнул Латерфольт, привлекая всеобщее внимание.

– Ты сам знаешь, что это единственный способ, Латерф, – наступал Кирш. – Если он поймет, что за план был у Свортека...

Договорить он не успел: Латерфольт схватил Кирша за грудки и прижал к стене. Все произошло слишком быстро. Кирш совсем не ожидал от егермейстера такой злости и не успел оказать ему сопротивления, повиснув как тряпка.

– Он только того и добивается, чтобы мы играли по его правилам! – громко, чтобы все слышали, говорил Латерфольт. – Он и его сучка, которая высосала тебе мозги через хер. Очнись, Кирш! Мы не пойдем на поводу у человека, который повинен в смерти стольких наших братьев!

– Это ты очнись! – собрался Кирш, безуспешно пытаясь отцепить от плаща цепкие руки. – Какой бы мудак он ни был, сам гетман готов на это пойти ради нашей победы! А ты...

– Вот и говори с гетманом! Ха-ха, что, поубавилось спеси?

– Дело не в этом. А в том, что ты ведешь себя так, словно кьенгар принадлежит тебе одному и только ты можешь за нее решать!

Взгляды всех обратились к Шарке, затем вновь к Латерфольту. Но тот не обернулся, продолжая взглядом сверлить Кирша. Молчание длилось целую вечность, так что Кирш даже позволил себе выпрямить ноги.

– Это не просто кьенгар, мать твою, – четкий голос Латерфольта наконец рассек испуганное молчание. – Ее зовут Шарка, и она моя невеста!

Потрясенные шепотки прошелестели по залу. Сердце Шарки бешено забилося, в лицо хлынула кровь.

– Поэтому, – сказал Латерфольт, отпуская Кирша, – я буду решать, с кем и как ей говорить!

Он прошел к Шарке и протянул ей руку:

– Пойдем, – поторопил он ее, онемевшую и растерянную, – я не хочу, чтобы ты слушала эти бредни.

Впервые за три недели он коснулся ее, посмотрел на нее прямо – и все после слов, о которых Шарка, уже не надеявшаяся на его расположение, даже не мечтала. Латерфольт вывел ее из зала, который разразился голосами и криками, едва двери захлопнулись за их спинами. Они вышли в коридор, ведущий к ее покоям, и там, не доходя до двери, Латерфольт схватил ее, прижал к своей груди и зарылся носом в ее волосы, как любил делать и раньше. Но теперь он делал это с силой, даже с яростью, уже не спрашивая разрешения.

– Я не позволю им снова ставить тебя под угрозу! – услышала Шарка его бормотание. – Я никому тебя больше не отдам!

– Вилем...

– Латерф! Вилем давно мертв, и я не хочу больше слышать это имя!

– Латерф, но мы могли бы поговорить с Рейнаром все вместе, чтобы он точно не причинил мне вреда. – Шарка попыталась отстраниться, выскользнуть из удушающих объятий. Латерфольт поддался, но лишь затем, чтобы прямо посмотреть в ее лицо.

– При чем здесь проклятый Рейнар?! – закричал он на весь коридор.

– Ты просто не хочешь его слушать, ведь так? – сказала она, удивляясь самой себе. Еще месяц назад одна мысль о том, чтобы говорить так с Латерфольтом, привела бы ее в ужас. Но теперь она говорила, пусть сердце ее и билось все тяжелее. – Ты так ненавидишь его, что даже не хочешь попробовать узнать, зачем Свортек отдал ему Дар...

– Шарка! Нет! Это не о нем, это о тебе и обо мне, о нас! Милая...

Долгий поцелуй перекрыл все возражения, на которые она с таким трудом подбирала слова. Латерфольт пинком распахнул дверь и уложил Шарку на кровать.

Теперь он брал ее с собой всюду, а спать приходил в покои, которые изначально были определены для них двоих. Новость о том, что Латерфольт намерен жениться на Шарке, облетела крепость за считанные часы, и теперь их всюду сопровождали поздравления, шутки и пожелания. Хроуст, вернувшийся в Козий Град на следующий день, поздравил их без всякого удивления. Он заверил, что, как только Редрих падет, их свадьба станет первым и самым пышным пиром свободной Бракадии, на который Сиротки не пожалеют никаких средств.

Дэйн, узнав новости, едва не сошел с ума от радости. Растеряв всю свою гордую статью, он принялся прыгать вокруг Шарки и Латерфольта, как щенок. Шутка ли: теперь он не только один из Сыновей Яна Хроуста, но и шурин самого Принца Сироток!

Сама же Шарка праздновать и радоваться не спешила. Кажется, даже с титулом Хранительницы Дара ей было легче свыкнуться, чем с мыслью о том, что герой мятежной Бракадии предложил ей – пусть и неуклюже – руку и сердце. Ей, безродной бывшей шлюхе, далеко не самой красивой, совсем не умной... Она все ждала, когда Латерфольт в своей мальчишеской манере начнет оправдываться, объясняя, что это все шутка, что он не то имел в виду. Но нет, он гордо принимал поздравления и благословения, настаивал, чтобы она всегда была у него на виду, а по ночам старался отогнать ее сомнения своим немалым мастерством искусного любовника. Шарка, впрочем, не могла избавиться от ощущения, что даже в минуты близости глаза Латерфольта смотрят сквозь нее.

Но Рейнар, Волайна и Аллурия все так же молчали, а у Хроуста заканчивалось терпение. Затягивалось и бездействие Сироток, хоть те денно и ночью наращивали силы, строя баллисты, катапульты, вагенбургги и осадные сооружения. Хроуст нервно хромал по крепости, следя, как исполняют его приказы, и все чаще его голос срывался на крик.

Видя гетмана в бессилии и раздражении, Шарка заражалась его досадой и обнаруживала, что и сама злится на Латерфольта. Ее бесило его упрямство и то, что он уже которую ночь остается в ее покоях, что сон его бдителен и чуток.

«Ведешь себя так, словно кьенгар принадлежит тебе одному...»

Однажды Хроуст распорядился, чтобы Латерфольт помогал Сироткам с вагенбурггами до самого утра, пока смертоносные бронированные телеги с ружьями не будут готовы к бою. Строители, изнуренные ежедневным трудом, не справлялись с нагрузкой, и Хроуст призвал все свободные руки. Не осмелившись перечить, Латерфольт оставил Шарку с Таррой. Целую вечность он мялся в дверях, кусал губы, но наконец умчался к Хроусту, пригрозив Тарре страшными карами, если тот недосмотрит за невестой.

Спустя несколько минут в покои вошел Кирш с двумя кружками пива и поставил их на стол перед Таррой:

– Не скучай, дружище. Я-то знаю, каково целый день с женщиной сидеть... Не в обиду, пани Латерфольт!

– Кирш, ну ты и жопа, конечно, – проворчал Тарра, но пиво принял и с удовольствием приложился к кружке.

– Я свои вагенбургги уже отработал, пока Латерф нежился в кроватке, – отрезал Кирш. – Пусть теперь тоже помозолит ручки! Может, это его отрезвит. Хотя видит Бог, с тех пор как Латерф добровольно вляпался туда, от чего мужики держатся подальше, он стал чуточку больше собой. Пусть и не шутит до сих пор, но это и хорошо. Моя головушка хоть отдохнет от его бесконечных...

Голова Тарры, с громким стуком упавшая на столешницу, прервала треп. Шарка бросилась к егерю, но Кирш, приложив палец к губам, сам аккуратно уложил Тарру на лавку.

– Ты отравил его, – прошептала Шарка.

Рот Тарры раскрылся, выпуская громкий храп.

– Все с ним в порядке. Пусть поспит. Пойдем.

– Куда?

– А как ты думаешь?

Шарка недоуменно уставилась на Кирша. Долговязый советник Хроуста, который прежде относился к ней не теплее, чем к оружию, был последним, от кого она ожидала подобной выходки. Кирш снова поманил ее за собой, но Шарка медлила, пытаясь понять, не уловка ли это. А если да, то чем она рискует? Может, это Латерфольт проверяет ее верность?

– Рейнар согласился поговорить, – нетерпеливо зашептал Кирш, поняв, что без объяснений она не двинется с места, – но только с тобой. Пошли, у нас мало времени!

– А гетман знает?

– Просто сделай, что нужно, пока его долбаное величество в настроении!

Шарка поднялась и отправилась вслед за Киршем на слабых ногах, словно само тело сопротивлялось этой идее.

– А что, если он нападет на меня? – спросила она по пути. – Я ведь ничего не смогу с ним сделать.

– Морра говорит, он поклялся, что не тронет тебя.

Кирш явно беспокоился о том, что сделают с ним самим, если с Шаркой что-то случится, но все же упрямо тащил ее за собой.

– Морра!

Наконец те отчаянные гримасы, которые Морра строила ей при любом удобном случае, обрели смысл.

– Так вот кто тебя подговорил!

– Нет.

Они уже добрались до левого крыла замка и коридора, оканчивающегося массивной железной дверью. Здесь не было ни единого стража, хотя за этими запорами находился самый ценный пленник Козьего Града. Очевидно, Кирш подготовился к своей выходке как следует. Потный и бледный, он обернулся к Шарке, тяжело дыша:

– Я готов отдать жизнь за Яна Хроуста. Но я ни за что не пойду в бой бок о бок с аллурийцами, которые отняли у меня все! А раз Хроуст и Латерфольт меня не слышат, я сделаю все сам.

Он принялся отпирать замки, с трудом попадая ключами в замочные скважины, так сильно его била дрожь. Наконец с дверью было покончено. Звякнула сталь: Кирш обнажил меч.

– Я буду смотреть в скважину. Если этот хрыч тронет тебя хоть пальцем, я отрублю его лживую башку, и плевать, что на это скажет гетман!

– Ты же его советник и Сын Хроуста, – сопротивлялась Шарка.

Она не могла понять, почему так медлит. Сама ведь этого хотела! Почему же теперь больше всего на свете ей мечталось убежать как можно дальше?

– Я в первую очередь бракадиец, а уже потом Сиротка. Иди же!

«Иди», – подтвердил Голос. Шарка не слышала его так отчетливо очень давно, наверное, с самого Тавора. Тогда Свортек, точнее, то, что от него в ней осталось, торопил ее так же, как поторапливал сейчас. Она замерла, надеясь получить хотя бы еще одно крошечное подтверждение, но теперь уже Кирш вместо Свортека подтолкнул ее вперед.

Шарка вошла в комнату. Дверь за ее спиной закрылась.

Рейнар стоял перед ней, словно все это время ждал, как пес хозяина. Быстро пробежавшись взглядом по комнате, Шарка пыталась оценить, что можно использовать как оружие. Одних рук герцога, пусть и искалеченных, было достаточно, чтобы свернуть ей шею, как цыпленку. При мысли о том, что впервые за эти месяцы она стоит перед человеком, против которого бессильна даже Свора, захотелось броситься обратно к двери.

Герцог подался вперед и примиряюще поднял пустые ладони:

– Я тебя не трону. Обещаю.

– Ты уже пытался меня убить!

– Я держу свои обещания.

«Останься», – пригвоздил Голос Шарку к месту. Казалось, всю ее волю подавило это единственное слово.

Рейнар сделал шаг назад, по-прежнему держа руки у нее на виду.

– Давай уже закончим с этим, – устало сказал он. – Что нужно делать?

– Мне сказали, ты хочешь поговорить.

– Мне нечего сказать. Я хочу, чтобы ты проникла в воспоминания Свортека.

Шарка нахмурилась. О том, как она случайно подсмотрела воспоминания Латерфольта, она не рассказывала ни единой душе.

– Дар Мысли, Памяти или как там его, – продолжал Рейнар. – Морра рассказывала, что Свортек умел это делать. Значит, и ты умеешь. Ты ведь уже видела его сны?

Он был прав. Но оба раза она находилась рядом с Моррой или Латерфольтом, которые, в отличие от герцога, не пытались ее убить.

– Если хочешь, можешь связать меня простыней, – хмыкнул Рейнар, поняв, отчего она мешкает. – Или возьми вон тот канделябр. Думаю, тебе хватит сил расколоть мне череп, если что. Я не буду сопротивляться.

Он опустился на пол. Шарка ощутила, как ее колени подкашиваются, и села рядом.

«Хорошо, Свортек, раз тебе так нужно...»

Она протянула руку и взялась за предплечье Рейнара. Тот дернулся, но руки не отнял, и ее пальцы сомкнулись на его локте. Даже сквозь ткань рубашки она чувствовала грубые рубцы. А еще ощущала, что этот крепкий воин, грифоний всадник, истинный наследник трона – он тоже мелко дрожит.

А потом пришли воспоминания, обрушившись на нее мощной волной.

V. Падение

Ну же, пошли! Так и будешь стоять триста лет? – орал Лотто, придерживая дверь, за которой мгновением ранее исчез Римрил.

«Ничем хорошим это не закончится...»

– Я не буду курить, – в который раз проскулил Рейнар, но Лотто, потеряв терпение, схватил его за плечо и силой втопил внутрь.

– Да я понял, понял: курение для убогих! «А что скажет Редрих?» – Лотто умел пародировать угрюмый голос Рейнара, как никто другой – поразительно точно и оттого особо униЗИтельно. – Пойдем, просто посидишь с нами, попьешь чай. Это же мой день рождения, ну!

С укоризненным вздохом Рейнар сдался и позволил младшему брату утащить себя в терпкий мрак курильни.

Гости Лотто уже расположились в одном из залов. Окна здесь были открыты, но воздух пропускали слабо, и лица молодых вельмож утопали в дыму. Римрил, старший герцог Митровиц, строгий и богобоязненный, паладин короля – подумать только! – уже набивал трубку. Шумный Лотто возвестил с кружкой пива в одной руке и тлеющей трубкой в другой:

– Хватит кукситься, Рейн! Не хочешь отмечать день рождения брата, так хотя бы отметим твою помолвку!

Его друзья встретили предложение одобрительными возгласами, и пир начался.

Рейнар отказался и от курения, и от пива. Он мрачно тянул травяной чай, рассматривая остальных гостей и прикидывая, не донесет ли кто-нибудь Редриху об их глупой шалости. Король, как известно, ненавидел курильщиков, и Рейнар, глядя на уже раскрасневшихся, оплывающих в креслах друзей Лотто со стеклянными глазами, был с королем солидарен.

Когда дурман утащил в свои объятия последнего из гостей – веселая пирушка, ничего не скажешь! – Рейнар отошел к трактирной стойке. Здесь накурено было чуть меньше.

– Чаю, – бросил он юркой подавальщице.

– Пан не любитель шумных сборищ? – спросила она, наливая напиток.

– Скажем так, я бы придумал, чем себя развлечь.

– И чем же занимают себя высокие паны?

Он удивленно приподнял брови, всматриваясь в нахалку. Она наливала чай, и все, что он сумел рассмотреть, пока ее голова была опущена, – это роскошная копна черных волос до самого пояса, которую, игнорируя приличия, девушка не потрудилась даже убрать в косу. Отребье какое-то! Хотя чего он ожидал? Вряд ли в таких местах работают приличные люди. Впрочем, говорила девушка не как простолюдинка.

– Разным. Читают книги. Упражняются в фехтовании. Ухаживают за лошадьми...

– И грифонами?

Подавальщица подняла голову. Ярко-голубые, как летнее небо, глаза впились в него без всякой скромности, будто шип в палец. Рейнар фыркнул. Должно быть, испарения дури уже проникли и в него. Иначе как объяснить внезапное желание спрятаться от взгляда и в то же время ответить на него, рассмотреть девчонку? Он отхлебнул чая, чтобы за кружкой спрятаться от острого личика. Чай оказался горьким, словно в него плеснули лечебное зелье.

– Не хотела вас смущать, пан Рейнар, – подавальщица скромно потупилась. – Но ведь не каждый день встречаешь знаменитого грифоньего всадника, о котором все только и говорят! Простите мою наглость.

Она поклонилась (Рейнар заметил румянец, разлившийся по чистым щекам) и юркнула обратно на кухню.

– Как тебя зовут? – крикнул Рейнар ей вслед, не успев даже понять, зачем ему это знание.

– Морра, – отозвалась она и робко улыбнулась напоследок.

Воспоминания Рейнара стали быстрыми и рваными, словно он листал книгу, пытаясь найти определенную страницу, но все было не то. Шарка чувствовала, как сжимаются пальцы на ее локте. Собственные воспоминания Свортек приоткрывать не торопился. Шарка сгорала от стыда, будто подсматривала за Рейнаром в замочную скважину.

Вот Морра в курильне исполняет заказы, пока Рейнар сидит в углу, украдкой наблюдая за ней. Она знает, что он здесь, но не подает виду. Лишь иногда, если в зале на пару мгновений становится пусто, посылает ему улыбку.

Вот Морра разворачивает его подарок: расшитое серебром синее платье под цвет ее глаз. Сначала уверяет, что не достойна его, но потом принимает со слезами на глазах.

Вот рассказывает, как после смерти бабки ее выдали замуж за охотника, как он с ней плохо обращался и как она в конце концов сбежала. Взбесившийся Рейнар порывается сровнять деревню с землей. Она останавливает его поцелуем.

Вот она, нагая, в постели, с черными локонами, рассыпавшимися по белым простыням, ждет, пока он стащит с себя дублет. Вот покрывает его тело поцелуями, чуть покусывая живот, и спускается все ниже, к паху. Она просит Рейнара рычать громче, как грифон, еще громче, вот так...

Время от времени Морру пытались перебить другие образы. Так Шарка впервые в жизни увидела красивого, похожего на орла короля Бракадии Редриха, против которого теперь воевала. «Сыновья мои» – даже в гневе он только так обращался к Римрилу, Рейнару и Лотто, чем напомнил ей Хроуста.

Еще там была некая молодая дама с печальным лицом, при виде которой в Рейнаре поднималась капризная детская злость.

А еще там часто появлялся некто до боли знакомый. Шарка едва не выскользнула из воспоминания, когда наконец рассмотрела это веснушчатое лицо с ясными синими глазами. Дворянский наряд не дал ей узнать его с самого начала, но когда он появился в третий или четвертый раз, сомнений не осталось. Фубар, послушно поддакивавший Морре на каждую ее ложь. Фубар, который вывел ее к ратуше под дула ружей. Фубар с разбитым лицом, моливший рассказать, что теперь сделают с герцогом...

Наконец появился там и Свортек. Рейнар и Морра прогуливались в парке на границе с Нижним Городом: они частенько спускались туда, чтобы никто из высоких господ их не застукал. Вдруг из-за кустов выскочил в окружении пары разукрашенных шлюх кьенгар, чуть взъерошенный, но явно в хорошем расположении духа. Шарка даже не сразу узнала его: семь

лет назад он еще не был так худ и бледен, как в «Хмельном Кабанчике». Вместо усталости в глазах Свортека горел хищный голод, как у волка, примеривающегося к стаду овец. Морра резко отскочила от Рейнара. Поравнявшись с герцогом и обменявшись поклонами, Свортек усмехнулся, рыскнув глазами в сторону девушки, чей силуэт уже почти растворился во мраке парка.

– Хороша, – заметил он. Шлюхи за его спиной, одетые в черную кожу, цепи и шипы, захихикали.

Рейнар нахмурился:

– Не совсем тебя понял, пан магистр.

– Не увлекайся, Рейн. Помни, у нас есть дела, – ответил Свортек уже без глумливой усмешки, подхватил шлюх и размашисто зашагал прочь.

Убедившись, что Свортек отошел далеко, Морра вернулась к Рейнару. К его неудовольствию, глаза ее сияли, как у девчонки, которую впервые взяли на ярмарку:

– Это он, это он? Кьенгар? Свортек?

– Ага.

– От него прямо исходит сила, – восторженно продолжала Морра, всматриваясь в черную спину. – Ты тоже ее чувствуешь?

– Я чувствую только вонь мадемы и шлюх.

– Ах, Рейн, не будь таким занудой!

Но прекрасное настроение, с которым он вошел в парк, испарилось бесследно, как и само воспоминание. За этим последовали еще несколько счастливых ночей с Моррой – она звала его своим герцогом, затем своим королем. В эти моменты Рейнар ускорялся, не в силах больше сдерживать возбуждение, и одновременно сгорал от стыда.

А затем – свадьба. Рейнар, одетый в роскошный доспех, верхом на Такеше – еще смоляно-черном, молодом – вглядывается в толпу, пытаясь рассмотреть среди зевак любимое белое личико. Но на протяжении всего пути по Верхнему Хасгуту, пока цветы отскакивают от блестящего на солнце металла, пока уши разрываются от приветственных криков, Морры нигде не видно. Фубар, помогая ему спуститься с седла, шепчет: «Рейнар, ты здоров? Выглядишь паршиво, дружище», но тот раздраженно (наверное, в первый и последний раз) отталкивает Фубара, и ярость вскипает в нем.

В храме у алтаря уже стоит на месте жреца Редрих, и при виде Рейнара его крутые брови хмурятся в угрозе. Римрил и Лотто по правую руку встревоженно перешептываются, мать прячет лицо в ладонях, Свортек глумливо ухмыляется. Рейнар пытается взять себя в руки, но это удается ему только перед самым алтарем, когда Редрих приказывает поднять вуаль невесты. Широкое лицо Кришаны, обычно сведенное судорогой печали, расцветает, когда она смотрит на своего прекрасного мужа, наследника Митровиц с тех пор, как Римрил отказался от права наследования, чтобы стать паладином короля.

Никогда еще Рейнар не видел ее такой счастливой – и никогда, если не считать день смерти отца, не был так несчастен сам.

– Согласен ли ты, Рейнар, сын Хладра из рода герцогов Митровиц, взять в жены Кришану, дочь Иоханны и племянницу короля Бракадии Редриха Первого из рода панов Хасгута? – прогремел голос его величества.

И Рейнар ответил:

– Да.

Затем снова Морра, но уже совсем другая, холодная и чужая. Она больше не зовет его своим герцогом и уж тем более королем, не дает прикоснуться к себе и угрожает, что, если Рейнар сейчас же не покинет курильни, она донесет на него. Бедная Кришана, встречая со стороны мужа лишь холод, снова погружается в тоску, а это приводит в ярость Редриха. У него уже есть Зикмунд, единственный наследник престола, который не оправдал его надежд, – а все

из-за того же недуга уныния, что преследует и позорит род панов Хасгута. А теперь Рейнар губит его единственную племянницу!

«Соберись!» – твердят ему все вокруг. Но он день за днем таскается в курильни, чтобы вымолить прощение Морры.

– Я не выбирал этого! – скулит он, стоя на коленях у ее ног. – Редрих не спрашивал о моих желаниях, он всегда все решал за меня. Я не люблю ее, ты же знаешь!

– Что мне твои слова...

– Скажи, что я могу сделать для тебя? Все, что угодно!

– Ну, кое-что ты сделать уже не смог.

– Все, что от меня зависит! Клянусь...

– Познакомь меня со Свортеком.

Слова ошаршили его, мольбы застряли в груди. Морра наконец удостоила его холодным, но прямым взглядом.

– Зачем?

– Я знаю кое-что о Дарах. Возможно, в Гильдии я буду ему полезна. Полезнее, чем в этом борделе для торчков.

– Но он всегда сам выбирает учеников. Я понятия не имею как...

– Доброй ночи, пан герцог.

Теперь Рейнар таскается за Свортеком: преследует его по всему Хасгуту, наведывается в Гильдию, якобы интересуясь ее делами, и даже вызывается сопровождать Свортека в путешествиях. Кьенгара все это забавляет, и когда Рейнар наконец открывает, зачем ходит за ним как пес, Свортек хохочет тем самым смехом, который заставляет дрожать поджилки даже у короля.

– Я-то думал, ты пришел за чем-то серьезным, – хрипит он сквозь хохот. – А ты всего-навсего хочешь пристроить любовницу!

– Ее бабка была знахаркой. Морра хорошо разбирается в травах...

– В травах, ха-ха-ха! Ладно, – легко соглашается он, вдоволь насмеявшись. – Если это поможет тебе взять себя в руки, тащи свою Морру сюда!

Воспоминания снова слились в вихрь быстро сменяющихся друг друга картинок. Шарка вдруг ощутила, как вместо чужой боли и тревоги ее поглощает нечто новое. Насмешливая усталость – так она назвала бы это чувство, когда воспоминания Рейнара наконец сменились тем, ради чего она пришла: памятью Свортека.

Кьенгар, сидя прямо на полу, пытался найти в одном из шести томов то единственное место, что не давало ему покоя уже который день. Двери зала распахнулись, и из освещенного лампами коридора во мрак упал яркий луч света.

– Прикрой дверь! – каркнул Свортек и поднял глаза на гостей.

Рейнар вошел первым. Приосанившись и вздернув нос, словно на самой серьезной церемонии, щенок закрыл дверь и небрежно поклонился:

– Пан магистр, я привел Морру. Она талантлива и сведуща в делах Дара. Я посчитал, что ваше знакомство может быть полезно Гильдии.

– Ну, раз вы считаете, что это важно, пан герцог, – отозвался Свортек, с трудом давя в голосе насмешку, и гостя несмело вынырнула из-за спины Рейнара. Отвесив глубокий, медленный и, надо признать, полный изящества поклон, она застыла, уставившись в пол. Красивая. Неудивительно, что даже благоразумный Рейнар так беспросветно в нее втрескался.

– Я вас оставлю, – произнес молодой герцог и вышел из зала. В его отсутствие Морра робко сжалась, как служанка перед королем. Конечно, заговорить первой она не решилась.

– Рейнар сказал, что твоя бабка была целительницей, – нарушил Свортек молчание. – Поэтому ты считаешь, будто знаешь что-то о Дарах?

– Она давно погибла, пан магистр, но я помню истории, которые она рассказывала мне в детстве. Прибыв в Хасгут, я искала любого случая разузнать о Даре и Изнанке.

– Изнанке, хм... Ты и до нее дошла в своих поисках! Это впечатляет.

Морра снова поклонилась, но Свортек замахал рукой, приказывая ей выпрямиться. Ему было интересно взглянуть на нее поближе. Едва свет из окна упал на лицо девушки, осветив яркие голубые глаза, Свортек с неожиданным для себя трепетом обнаружил, что они точно такие же, как у...

– Тогда помоги мне. Вот твое первое задание. Раз уж ты так много знаешь, найди мне в этих книгах что-то о Дарах Мейдары, последнего кьенгара Бракадии до меня. Я хоть убей не могу вспомнить, где я о них читал.

«Не найдет, – думал он, пока Морра, по-прежнему робея, подбиралась на цыпочках к нему и книгам. – Интересно, доводилось ей когда-либо в жизни держать в руках такие сокровища?» Судя по тому, как быстро и без сомнения она пробежалась по названиям, читать она умела. Это уже неплохо, но недостаточно, чтобы...

– Так вот же! – радостно вскричала она спустя несколько минут, передавая ему раскрытую книгу.

Свортек недоуменно уставился на страницу, на поиски которой потратил несколько часов. Его долгое молчание заставило Морру нервно заерзать, пока он наконец не произнес:

– Кажется, герцог не ошибался на твой счет...

Теперь Морра ходила за ним вместо Рейнара, но ее компания была куда приятнее. Шарка не без любопытства ожидала увидеть сцены любви. Интересно, с Моррой он обращался так же, как с ней тогда в трактире? Но память Свортека оказалась избирательнее и искуснее, чем у Рейнара: он не показывал ничего из личной жизни. В его воспоминаниях Морра лишь задавала вопросы о Даре, помогала с книгами, помогала с Гильдией, приводила новых людей, достойных, по ее мнению, стать учениками кьенгара. Среди них был и Мархедор (Шарке потребовалось немало времени, чтобы узнать его, еще не обезображенного Даром.) В отношении Свортека к Морре не было болезненной страсти, что поглощала Рейнара. Скорее это была легкая нежность учителя к способной ученице и преданному последователю. Пока что...

Но Свортек не собирался долго задерживаться на Морре. Его внимание было приковано к делам поважнее, а именно к Яну Хроусту, который с новыми силами принялся свирепствовать на востоке Бракадии, заручившись поддержкой мятежных галласцев. Теперь кьенгар подолгу пропадал в походах, в которых его сопровождали и братья-герцоги из Митровиц.

– Как, говорите, зовут этого ублюдка? – Свортек, Рейнар и Лотто стояли над аккуратно связанными стражами. Несколькими часами ранее их ограбили Дети Хроуста, прихватив с собой ценный груз: две телеги с порохом, направлявшиеся из порта в столицу.

– Латерфольт, – отозвались несчастные, подтвердив его догадки.

– Этот узкоглазый никак не успокоится! – взвыл Лотто. Рейнар, погруженный в свои мысли, как всегда, в разговоре не участвовал, и Лотто приходилось возмущаться за двоих. – Как же он достал! В прошлом месяце разворошил казну Стрибра и раздал все долбаным нищим, которые наверняка уже поубивали друг друга ради этой подачки. Да еще и без единого трупа – понятно, почему народ так по нему течет. Теперь это! Нужно что-то с ним делать, да поскорее!

– Так делай, Лотто, раз ты такой умный, – раздраженно отозвался Свортек. – Тайная стража уже полгода за ним бегают, и все без толку. А народ тем временем слагает о нем песни и называет наследником Хроуста. Который тоже никак не сдохнет, чтоб его!

Усталось разлилась по всему телу: Свортек уже несколько месяцев мотался из города в город, но всего его могущества и ума не хватало, чтобы хотя бы схватить за хвост проклятого одноглазого старика. А теперь еще и этот неуловимый «герой», растаскивающий добро короля, как лис кур! Надо думать, он так хорош, что простой люд готов закрыть глаза на то, что он

жалкий полукровка, отброс. Редрих тем временем делает ошибку за ошибкой в дипломатии с Аллурией, которая, видя слабость короны в борьбе с армией оборванцев и фанатиков, снова тянет к Бракадии жадные лапы. Войне с Хроустом не видно ни конца, ни края, а на горизонте уже маячит новая...

Воспоминание отскакивает обратно к Рейнару. Вновь появляется Морра, к которой он умудрился подобраться, пока Свортек охотился за Латерфольтом.

– Я же сделал все, как ты просила!

Его крик разнесся по всему замку. Он забыл, что стоит прямо в коридоре Гильдии и зеваки жадно пожирают его взглядами, чтобы потом пересказывать эту историю на каждом углу столицы. Морра, новая Морра, гордая, статная, холодная, магистр Гильдии, первая ученица Свортека, хватает его за руку и уводит прочь от любопытных глаз, но не для того, чтобы успокоить, а чтобы приподняться на цыпочки и прошептать на ухо: «Я никогда тебя не любила, и ты никогда не любил меня. А теперь пошел вон, или я расскажу Свортеку!»

Появились Римрил и Лотто. Наверное, только они и удержали Рейнара в его ярости от непоправимой ошибки, оттащили от Морры и выволокли во двор. В короткой потасовке Рейнар умудрился разбить Лотто губу, пока сильный Римрил не заломил ему руки.

– Опомнись, Рейн! – шептал Римрил. – Забудь о ней! Что скажет Редрих?

– Пусть говорит что хочет! Вы жалкие, покорные шавки! – орал он в мрачные лица братьев. – С такими, как вы, наш род превратился в пыль! Презираю вас!

Резкая боль пронзила тело Шарки.

Свортек лежал на спине в огромной королевской палатке. Белый, словно из него выкачали всю кровь, он прижимал руки к свежей, наскоро зашитой чудовищной ране, что пересекала весь торс от левой ключицы до паха. Редрих, не менее бледный, ходил перед ним из стороны в сторону; казалось, что короля с минуты на минуту вырвет прямо на пол. Герцоги и военные советники стояли чуть поодаль, тревожно переглядываясь, но не решаясь обронить ни слова.

С новым приступом боли кьенгар протяжно застонал, и похожие на пауков длиннопалые руки заскребли по телу, размазывая выступившую на швах кровь. Редрих упал перед ним на колени, схватил окровавленную руку и поднес к губам:

– Ты не можешь меня оставить, Свортек, брат мой! Не сейчас, когда проклятая Аллурия стучится в мои двери. Прошу тебя...

– Черт тебя дери, Редрих, – прорычал Свортек сквозь боль. – Как будто я сам хочу вот так вот сдохнуть в этом поле!

Последние слова он проорал королю в лицо, и тот отпрянул, кутая окровавленные руки в плащ. Редрих был жалок, как в тот день, когда Свортек впервые появился на поле боя, – хотя по сравнению с нынешним то была легкая прогулка под руку со старым приятелем Яном Хроустом.

Армада Аллурии захватила порт Отарак, а с ней крепость, в которой находился единственный шанс Свортека на спасение. Теперь Аллурия перегруппировывает силы, что прибывают с каждым новым кораблем, наступает все ближе к их военному лагерю, полному раненых и бесполезных...

– Беги, Редрих, – выдохнул Свортек. – Бери грифонов и улетай в Хасгут. Все кончено!

– Но ведь ты говорил, что, если мы сможем доставить тебя в Отарак к твоему артефакту, ты сможешь их отбросить!

– Что-то не вижу крепости...

Редрих снова склонился к нему, но уже без гримасы отчаяния:

– Нет, мы отобьем крепость. Послушай меня! Может, у них есть армия и двое кьенгаров, но у нас все еще девять грифонов и всадники. Они атакуют крепость сверху, ты проберешься внутрь через башню, ты ведь сможешь! А потом...

– Нет. Это самоубийство Я, может быть, и сумею добраться до своего артефакта, но грифоны и всадники...

– Разве есть иной выход?

Не сговариваясь, они бросили косые взгляды на герцогов Митровиц, которые в молчании ожидали решения короля и его правой руки.

– Они сделают все для королевства, – прошептал Редрих, и полубезумная улыбка растянула его губы. – Мы посадим тебя вместе с Римрилом, он самый сильный. А к остальным всадникам присоединятся наши лучшие воины. Девять грифонов, семнадцать самых могучих мужей Бракадии и кьенгар – разве этого не достаточно?

– Ты обещал, ты клялся Хладру, что присмотришь за его сыновьями, Редрих! А теперь готов бросить их в самое пекло?

– Я готов бросить кого угодно в пекло ради Бракадии.

Свортек долго смотрел на короля, преодолевая спазмы, сотрясающие его тело, – и с новым приступом согласился.

...Римрил и Свортек на сером грифоне приземлились последними. Остальные уже повергли в хаос стены и башни крепости Отарак. Рейнар и могучий Златопыт бились бок о бок, пока Такеш – грифон Рейнара – ударами крыльев и лап сбрасывал аллурийцев со стен. Лотто со своей знаменитой булавой в виде шипастого черепа и его оруженосец вгрызались в самую

гущу ошарашенных врагов. Рыжий грифон Лотто, самый молодой, как и его всадник, пробивал огромным зубастым клювом латы, превращая несчастных в закованный в железо фарш. Другие грифоны всадники и знаменитые рыцари королевства сеяли повсюду смерть, выкрикивая что было сил боевой клич: «Здар, Редрих! Здар, Бракадия!»

Свортек, обессиленный, хватающийся за последние обрывки сознания, соскользнул с седла, когда Римрил наконец расправился с его ремнями. Гарнизон аллурийцев был не так уж силен: основные силы они успели переправить к главным воротам порта, чтобы атаковать лагерь Редриха. Крепость – это все, что нужно было кьенгару. Там, внутри, хранилось его оружие, о котором он не рассказал ни единой живой душе, чтобы никто им не воспользовался. То был единственный шанс выйти отсюда живым. Свортек, прикрываящий руками рану, под защитой Римрила и его грифона медленно пробирался по стене вниз, ко двору, прочь со стен, где бушевала битва. Туда, откуда заветная дверь выведет его к городской темнице и новому Дару...

Серый грифон вздрогнул всем телом и зашипел: его горло пробил гарпун, выпущенный из баллисты на другой стене. Римрил издал страшный, полный боли вой, глядя, как его верный зверь падает со стены, харкая кровью. А в следующее мгновение сам паладин Редриха рухнул следом за грифоном со стрелами, торчащими прямо из лица.

– Нет!

Рев Лотто заглушил шум битвы. Рейнар обернулся на голос брата, пока Златопыт, изрыгая проклятия, прикрывал его спину. Свортек отбивался теперь сам, посылая на аллурийцев крылатые тени, но чувствовал, как с каждой секундой силы покидают его, отдавая во власть чудовищной боли. Не менее трех грифонов и семи всадников уже отправились к праотцам. Кьенгары Аллурии, должно быть, были совсем рядом: торжествующие крики гарнизона возвестили об их появлении. Свортек попытался проскользнуть во двор, но тут Рейнар с бешено расширенными глазами кинулся к младшему брату, забыв о своей миссии...

Слишком поздно. Стена огня поглотила сразу трех грифонных всадников и грифона целиком. Свортек вздрогнул от душераздирающего вопля Лотто, погибавшего самой мучительной из смертей в плавающих доспехах. Кьенгар Аллурии отпустил руку, с удовлетворением глядя на груды раскаленных кусков металла и мяса.

Свортек успел лишь заметить, как Златопыт подхватил обезумевшего Рейнара и швырнул себе за спину, не давая броситься к аллурийскому кьенгару, нависшему над дымящимися останками Лотто. Под оглушительный клекот Такеша Свортек наконец добрался до заветной двери...

Шарка не поняла, что произошло потом. Какая-то старая женщина, протягивающая Свортеку кинжал, – последнее, что она увидела ясно. Затем – каша из черных монстров; полет, который она столько раз видела во сне; полная сумятица в голове, но острая, как оргазм, радость и желание бешено рассмеяться – вот что чувствовал Свортек. Его боль испарилась бесследно, он окреп, вырос и затмил собой все небо, раскинув над охваченной огнем крепостью огромные крылья. Лихорадочный бред длился целую вечность, и в нем смешались Тени, монстры, крылья, огонь, дымящиеся трупы, запах подпаленной кожи, вкус крови на клыках, блаженство, смех! А потом вновь появился Рейнар.

Герцог стоял на коленях перед тем, что осталось от Лотто, и плакал навзрыд. Свортеку – целому и невредимому – до него, впрочем, не было никакого дела. Окруженный трупами, он смотрел, как Редрих, не верящий своим ушам и глазам, подъезжает к крепости, и думал только о том, как бы не рассмеяться.

– Морра!

Это было новое воспоминание Рейнара, хотя Шарка не сразу узнала его в этом нервном оборванце, который едва стоял на ногах, настолько был пьян. Заросший, как нищий, одетый

в тряпье, с глубокими тенями под воспаленными глазами, он шатался по коридорам замка, время от времени ревя во всю глотку:

– Морра! Я знаю, что ты здесь!

Взгляды и перешептывания не пугали и не стыдили его, и никто не осмеливался приблизиться, отрезвить его, вывести прочь. Римрил и Лотто мертвы – они больше не оттащат его от позора, как в тот последний раз, когда он плевался в них ядом.

– МОРРА! Мне просто нужно поговорить!

Рейнар остановился, завидев в другом конце коридора Свортека. Кьенгар, которого битва тоже не оставила прежним, презрительно смотрел, как герцог приближается к нему на ватных ногах, схватившись за рукоять меча.

– Заткнись! – прошипел Свортек, когда их разделяли лишь несколько локтей. – Тебе не о чем говорить с Моррой.

– Это не тебе решать, кьенгар. Я не видел ее четыре месяца. Пусти меня к ней...

Рейнар бросился к двери, из которой Свортек мгновением ранее выскочил, но на полпути застыл как вкопанный. Тени Свортека, его мрачные черные вороны, впились в его ноги и руки, повиснув на них мертвым грузом.

– Да чтоб ты сдох, Свортек! – закричал Рейнар, и один из демонов вцепился в его длинные волосы, заставив откинуть голову. Но герцога это не остановило. – Какое ты имеешь право? Ты ей никто! Никто! Дай мне просто увидеть ее!

Оглушительная пощечина, удар по ребрам – и Рейнар наконец перестал орать и обмяк в хватке птиц из мрака.

– Приведи себя в порядок. Возвращайся к Кришане. Морру ты не увидишь...

– Это *ты* будешь указывать мне, что делать? Из-за тебя погибли Лотто и Римрил! Ради тебя и твоего Ред...

Свортек резко опустился на пол рядом с Рейнаром и зажал ему рот ладонью:

– Если хочешь смерти, то лучше просто вскройся! А если хочешь мести, то возьми себя в руки и сделай то, что должен. Я даже готов тебе помочь. Но о Морре – забудь.

И Рейнар сделал то, что, по его мнению, должен был – но один, по собственному плану. Без Свортека, который, забрав у него все, вдруг решил поиграть в заботливого союзника, но с другим, не менее опасным, за которым он уже наблюдал из темного угла таверны в маленьком городке на окраине Бракадии, накуриваясь мадеммой, чтобы побороть желание вылететь отсюда пулей и забыть об этой безумной идее. То, как легко ему удалось устроить встречу, не могло не тревожить. Что, если это ловушка? В конце концов – сын Хроуста...

Шарка не сразу узнала его, героя мятежной Бракадии. Латерфольт, юный, шумный и чрезвычайно довольный собой, веселился в окружении друзей и восторженных девиц, еще не успев обзавестись бородой и длинной гривой. Рейнар все сомневался, хотя Латерфольт уже заметил его и указал ему на дальний зал таверны – пустой, отданный только ему и его гостю.

– Вот так-так, – болтал он, закрывая за собой дверь и осматривая Рейнара с головы до ног. – Кто бы мог подумать, что я встречу герцога Митровиц, да еще и с таким предложением! Если ты, конечно, не врешь и все это не ловушка ради моей головушки, хе-хе!

Кажется, егеря снедали те же сомнения, что и самого Рейнара, но он был безоружен, а во взгляде светился искренний интерес.

– Я предложил тебе встретиться подобно тому, как встречались наши отцы, – отозвался Рейнар. – Надеюсь, у тебя хватит чести не оскорблять память той встречи.

– Не тебе мне рассказывать про честь! – беззлобно вскинулся Латерфольт. – Я не головорез, в отличие от твоих дружков. Я сын Бракадии и пришел помочь своему народу освободиться! Я готов выслушать даже тебя, если это поможет остановить кровопролитие.

– А что на это скажет Хроуст?

– Когда я приду к нему с головой Редриха, он возражать не станет!

Напыщенность хинна веселила Рейнара, хотя внутри все замирало в ужасе, пока он пересказывал свой план – и кому? Латерфольту! Названному сыну Яна Хроуста, злейшего врага Бракадии! А хинн смотрел на него жадно, потрясенно, с детским обожанием. Но все же Латерфольт был не глуп и, стоило Рейнару умолкнуть, задал главный вопрос:

– Скажи, Рейнар из Митровиц, самый странный человек из всех, кого я встречал, – это все ради короны? Ты вправду хочешь стать королем, купаться в золоте и повелевать людишками, поэтому готов пойти на мир с нами?

– Корону можешь взять себе, если тебе есть до нее дело. Забирай сам или отдай Хроусту. Я устал от королей. Я...

Он запнулся, ужаснувшись тому, что собирался сказать. Казалось, дурман мадемы развеялся, оставив его в кристальной трезвости. «Неужели, – думал он, – я, сын Хладра, действительно готов так поступить? После всего, что Редрих сделал для меня?»

После того, как здоровый как бык отец внезапно скончался, едва между ним и Редрихом возникло непонимание. После того, как Редрих женил Рейнара на своей полоумной племяннице. После того, как Римрилу пробила череп стрела, а Лотто сгорел в расплавленном доспехе. После того, как первый слуга короля украл у него Морру...

– Редрих отнял у меня все.

Улыбка сошла с лица Латерфольта. Он медленно и серьезно кивнул, и в его глазах заблестели слезы: неподдельные слезы человека, который знал, каково терять близких.

– Я верю тебе, Рейнар, – торжественно возвестил Сын Хроуста и протянул Рейнару руку через стол. – Обещаю, что ты можешь на меня рассчитывать.

– И я обещаю. – Он пожал протянутую руку, и голова снова стала тяжелой: мадема вернулась и накрыла его с еще большей силой. – Обещаю, Лотто...

– Латерф, балбес ты обкуранный, – хихикнул хинн.

Но спустя несколько тайных встреч с егерем – чувствовалось, что показывать их подробно Рейнар не хочет, – в Хасгута его настигла неожиданная новость. И принес ее лично Редрих:

– Молодец, Рейн, сын мой!

Король заключил его в объятия, чуть поморщившись, когда до носа долетел запах мадемы от дублета. Но он пересилил себя и так обнимал герцога целую вечность, поглаживая по затылку, пока сам Рейнар боролся с желанием свернуть шею его величеству.

– Ты наконец сделал это! Кришана беременна!

Рейнар отступил от короля, ошарашенный. Да, месяц назад он действительно поддался желанию, впервые с битвы при Отараке. Укуранный до беспамятства, он представлял на простынях длинные черные локоны и шептал про себя совсем другое имя. Кончив, он оставил Кришану и отправился бродить по темным улицам Хасгута, где раньше прятались по темным углам они с Моррой.

– Наконец-то два наших рода вновь сольются воедино, дав крепкое потомство, которое возвеличит Бракадию! – продолжал Редрих, игнорируя его потрясение. – Конечно, мы пока не будем говорить об этом никому, Рейн, слышишь меня? Пусть плод окрепнет. Я не хочу слышать сплетни о слабости нашей крови от сплетников и предателей, если с ребенком что-то случится. Кришана, увы, не так крепка... Через пару месяцев мы во всеуслышание объявим, что она в тягости.

Он надвигался, пока Рейнар пятился.

– Мне жаль лишь, что Римрил и Лотто не увидят своего племянника. Видит бог, Рейн, я корю себя каждый день!

На глазах гордого короля действительно выступили крупные слезы и, сорвавшись с век, стекли в тронутую сединой бороду. Редрих, никогда ни перед кем не преклонявший колена, опустился на пол перед ним:

– Я вечный должник твоего рода...

Так план, согласно которому Рейнар должен был сообщить егерям о том, когда и как король поедет навещать гробницы предков и в котором он поклялся доверчивому Латерфольту, полетел ко всем чертям. Теперь сама эта мысль не вызывала у герцога ничего, кроме ледяной оторопи. В конце концов, решившись, он позвал Латерфольта на встречу перед самой ночью покушения.

Хинн нервничал, как лисица перед псом, чувствуя, что взгляд Рейнара изменился. Наконец, вооруженный с головы до ног, дрожащий от тревоги Латерфольт сорвался на крик:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.